

Людмила
Саницкая

ЧАС ВОДОЛЕЯ

(ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА)

Москва
Вест-Консалтинг
2015

Л. Саницкая

Час Водолея. *Избранная лирика.* —
М., «Вест-Консалтинг», 2015. — 252 с.

ISBN 978-5-91865-344-9

Людмила Николаевна Саницкая — кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Занимается литературой в течение многих лет — пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Темы её творчества — сложный мир человеческой души, природа родной земли.

Автор четырёх поэтических сборников и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», «Поэтоград», международных альманахах «Муза», «Связующее слово», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), альманахах «Московский год поэзии» («Литературная газета». 2013 г.), «Кольцо А», «Синева на крылах», «Небеса любви», «Краски жизни», «Стихотворный светоч», «Мы рождены для вдохновенья», «То пятое время года», «Судьба России», «Литературная республика». Публикуется в периодической печати, постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты».

Людмила Саницкая — член Союза писателей России и Международного сообщества писателей России, член Литературного клуба «Московитянка» Центрального Дома литераторов, Литературного объединения Центрального Дома учёных «ЛИТО на Пречистенке», Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч», Союза писателей 21 века.

Является лауреатом литературных премий им. А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина и М. А. Булгакова.

В оформлении обложки использована иллюстрация Альфонса Мухи.

© Л. Н. Саницкая, 2015

© К. В. Ковальджи, предисловие, 2015

© «Вест-Консалтинг», 2015

СТИХИ НА ОТКРЫТОМ СЕРДЦЕ

Можно читать подряд, можно наугад, но нельзя не почувствовать, что вступаешь в область поэзии, в мир, где автор — поэт, а не просто сочинитель стихов. Людмила Саницкая — человек в жизни давно и прочно состоявшийся, она кандидат медицинских наук, врач высшей категории — представитель беспощадно трезвой «непоэтической» профессии. И вот, пожалуйста, — совершенно независимо от профессии — она нежный, впечатлительный, остро чувствующий поэт. Я чуть не написал — вполне профессиональный автор, но подумал вдруг — почему профессиональный? Просто талантливый, верный себе поэт и как раз далекий от формата современных профессиональных новаций.

В её стихах так называемая современность с её болезненными противоречиями отступает за пределы прямой видимости, уступая другой правде — миру женщины во всей полноте, разнообразии и богатстве чувств, щедрости открытого сердца — искренность оказывается способной на особую творческую опору. Людмила по свойственному ей способу выражения — поэт вполне традиционный, не чурющийся устоявшейся книжной лексики, и в то же время она (кстати, посвящающая стихи таким разным поэтам, как Белла Ахмадулина и Юнна Мориц) ведёт с нами убедительно естественную беседу, порою прямо делает нас соучастниками своих впечатлений и переживаний, вплоть до доверительной исповеди.

Книга добрая, нежная, зачастую трогательная, порой созерцательная, сдержанная, но в этом гармоническом мире таится, оказывается, страстная истинно женская натура. Вот, например, редкий для Саницкой эмоциональный всплеск:

Мне бы — выжить.
Мне бы — выжечь
Имени нарыв!
Мне бы рыскать ведьмой рыжей
За травой-разрыв!
Ненавидеть бы — до сини
Сжатых болью губ!
Хлад осенний,
Яд осиный —
Лишь бы не был люб!
Всё. Застыла.
Всё. Забыла.
Всё. Угомонись!

Ой ли, всё ли?
Милый, милый!
Хоть во сне приснись!..

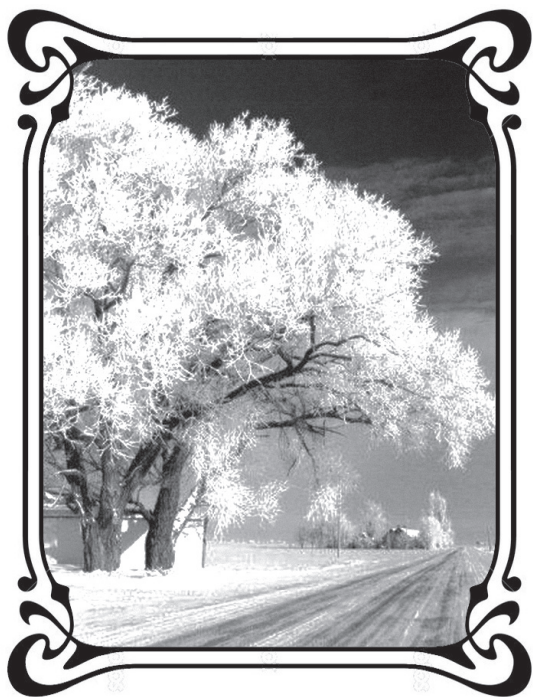
Это прямое личное общение с читателем, личное, персональное, потому оно не нуждается в общекалендарных датах — Людмила Саницкая также не датирует свои стихотворения как, скажем, Фет. Но нельзя не отметить и примечательных исключений. Например, стихотворение «22 июня». Предельно конкретно? Но при этом оно выражено совершенно по-своему, лирически и неповторимо — это немалая удача поэта:

Прозрачная речка
в зелёных ладонях осоки.
Мерцанье и трепет,
и блеск молчаливых стрекоз.
Плывущее небо
огромно, светло и высоко.
И смерть невозможна,
и нет ни обиды, ни слёз.
Ромашковый луг
нас с тобой укрывает по пояс.
Июньскому полдню
сегодня не видно конца.
Но где-то вдали
закричал прибывающий поезд,
В котором на фронт
навсегда мы проводим отца.

Книга обращена к читателю, и она его найдёт. Это добрая выстраданная книга, овеванная музыкальностью слова, наделённая нравственным здоровьем (врач всё-таки!), что отрадно в наше смутное время.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

К февралю

И снова пережить февраль,
пройти по сумеркам звенящим,
и давний лёд его и сталь
принять живым и настоящим,
и думать, что его броня,
его ледовая преграда
укроет родственно меня
от губельного снегопада
там, на обрыве бытия,
у края бездны молчаливой.
И жизнь продолжится моя
на зимний день.
На день счастливый.

Весь божий день,
 наивно и пространно,
 толкую об апреле. Это странно,
 и тема негодна февралю.
 Он убеждён — я не о том толкую,
 и не о том весь божий день тоскую,
 и не того — уверен он — люблю.
 Февраль мне родственник.
 Скучны его суждения,
 но в старину, уже лет сто тому,
 он начался днём моего рожденья,
 за что я снисходительна к нему.
 Родства с апрелем нет в помине. К худу
 или к добру приязнь его взошла
 и наградила лёгкою простудой
 и ожиданьем чуждого тепла?
 Возможно, завтра же,
 по размышленью здравом,
 я исповедаюсь седому январю
 и буду жить — прощённой, ясной, правой...
 Возможно, завтра же.
 А нынче — Окуджаву пою
 и об апреле говорю.

Гололёг

Посреди февраля — лжевесна.
 Гололедица, таянье, лужи...
 По ночам не докличешься сна.
 Хлябь и сырость — внутри и снаружи.

Оступаясь, страшась и скользя,
 Пешеход замедляет движенье.
 И колеса визжат, тормозя,
 И едва укрощают скольженья.

Не ко времени иль не к добру
 Эта оттепель, наледи, смута?..
 И душа на февральском ветру
 Тоже будто скользит почему-то.

И природа слегка смущена —
 Не к лицу ей тепло вместо стужи...
 Поскорей бы и вправду весна,
 Вправду солнце — внутри и снаружи.

Поблекла, сменила цвет
Снегов голубая шаль.
Ушёл в снеговой рассвет
Короткий, как вздох, февраль.

Графических веток вязь
Пока не сулит листву.
Казалось — жизнь унеслась.
Выходит — ещё живу.

Выходит, вернулся март
Меж снега, капелей меж,
Во время влюблённых пар,
Во время новых надежд.

К февралю

Мокрый снег ютится на газонах,
Тает, серой влагою слезясь.
Мелкий дождь повис на голых кронах,
Капает в растопленную грязь.

Небо низко, тяжело и хмуро.
На кустах смурное вороньё...
Ты ли это, русская натура,
Зимнее студёное житьё?

Мой февраль! Мой ледяной, жемчужный,
Матушки-зимы любимый сын,
Размахнись! — и самобранкой вьюжной
Застели асфальтовую стынь!

Забели непрошеную серость,
Снежной шубой подари Москву!
В молодую, искристую свежесть
Окунись — и снова оживу!..

Почти неизбежно прискорбно
приблизился бледный февраль.
Прискорбно, поскольку у горла
сезонный недуг, чья печаль
лишает особого вкуса
теченье кристального дня,
поскольку Марина в Тарусе
сегодня не встретит меня.
А я так давно собирала
в копилку насущных задач
холодную людность вокзала,
автобуса ржавого плач.
Весь день из недужного сплина,
как будто свершая обряд,
под пристальным взглядом Марины
бумажные клочья летят...

Сороковые

Век детства, мой полузабытый дом
Ни золотым не назову, ни даже медным.
Нахмуренный, как очередь за хлебом,
Он улыбался редко и с трудом.

Без преданных анафеме забав
Я в нём жила растением непригожим,
Приобретая стойкость и похожесть
На тысячи дикорастущих трав.

С косицами и чёлкой озорной,
За школьной партой первой ученицы,
Я научилась между тем гордиться
Россией — самой лучшей страной.

И вот теперь, спустя полсотни лет
По времени, а по душе — все тыщи,
Я всё ещё порой ступаю в след
Той девочки — счастливой,
гордой,
нищей.

22 июня

Прозрачная речка
в зелёных ладонях осоки.
Мерцанье и трепет,
и блеск молчаливых стрекоз.
Плывущее небо
огромно, светло и высоко.
И смерть невозможна,
и нет ни обиды, ни слёз.
Ромашковый луг
нас с тобой укрывает по пояс.
Июньскому полдню
сегодня не видно конца.
Но где-то вдали
закричал прибывающий поезд,
В котором на фронт
навсегда мы проводим отца.

Отчим

Ореховое дерево у дома,
Тропическое солнце Ферганы...
На карточке семейного альбома —
Мой отчим, не вернувшийся с войны.

Смеётся, с мамой молодой в обнимку.
Так оба хороши и влюблены,
Что счастье проливается со снимка.
И дата — за неделю до войны...

Сейчас, наверное, они опять в обнимку
Стоят среди небесной тишины.
И мама — молодая, как на снимке,
И отчим, не вернувшийся с войны.

В сороковых — тех самых, роковых! —
не различимое,
 как дискант в детском хоре,
частицей малой во вселенском горе
осталось детство, как солдат, в живых.

А юности так не терпелось — стать!
Так плакалось взахлёб,
 так чисто пелось!
Так медлила рассудочная зрелость,
что до сих пор пути не наверстать.

И до сих пор — всё настежь и навзрыд!
У злобы ничему не научаясь,
Всё та же юность стынет и горит,
Седея с нами. С нами не прощаясь.

Отечество

Река

Голубоокая река,
Ресницы — бархат камышовый...
Земли родной первооснова,
Чиста, тиха и глубока.

Туманом упадет грусть,
А утром всходит облаками...
Не замутнённая веками
Краса — есенинская Русь.

Она несёт благую весть,
Душевные омоет раны...
Края есть чудные и страны,
Но сердце бьётся только здесь.

Смоленский собор

Мы были в соборе. Он был бирюзов
снаружи. И бел. И стоял так высоко
над тихой рекой, обращая к востоку
порталы и ниши, и свет образов.

Внутри он предстал золотым, кружевным,
и лики сияли от свечек венчальных,
и дальние хоры так чисто звучали,
как будто дорога всего лишь в начале,
как Днепр у истоков внизу, у стены,
как будто нам долгие дни суждены.

Я говорю внимательным растениям —
Цикорию, ромашке и репью,
Как тихо в городскую жизнь мою
Вливается покой и вдохновенье.

Я поверяю травам и стогам
Наивных строчек дух исповедальный —
И благосклонен перелесок дальний,
И утешительно стихает птичий гам.

Осенняя всё осеняет грусть
Задумчивым лесным благословеньем.
Уходят городские настроенья
И слышится непреходяще — Русь...

Братцево

Запущенный парк за оградой,
Кирпичная кладка моста...
Как сердцу уютно, как радо
Оно этим милым местам.

Тенистость,
душистость,
дремучесть,
Нестриженность дикой травы,
Упрямой речушки живучесть,
Текущей из старой Москвы.

Поблекшая белоколонность
Усадьбы на древнем холме,
И трепетность, и растворенность
В покое, тепле, тишине.
Малиновый звон колокольный
Оттуда, где храм Покрова...

...Околица Первопрестольной.
Отечество. Память. Москва...

Ротонда в Братцево

Глухой вечернею порой,
Окутана зелёной сеткой,
Как полонянка под чадрой,
Белоколонная беседка.

Она в седые времена
В усадьбе над речной долиной
Была творцом наречена
Ротондой «Храм Екатерины».

Знаток любовных авантур,
Крылатый баловень Венеры,
Лукавый мраморный Амур
Здесь, под узорной полусферой

Когда-то ладил свой колчан
И слал божественные стрелы...
Теперь лишь ветер по ночам
Поёт в жилище опустелом.

И над ревущей кольцевой,
Под рубищем зелёной сетки,
Стоит, забытая Москвой,
Белоколонная беседка.

Селигер

Прежде — пристань церквей и монашек,
Затерялся в валдайской глуши
Невеликий, но милый Осташков —
Город детской российской души.

В палисадниках улочек узких,
Может, он неприметен и сер,
Но хранитель жемчужины русской,
Что издревле зовут — Селигер.

Не прославлен ни златом, ни битвой,
Ни владеньем космических сфер,
Жив трудом и негромкой молитвой,
И твоей чистотой, Селигер.

Дальний гул колокольного звона —
Голос с вечностью наедине,
Шёпот ветра и шёпот влюблённых —
Всё сродни селигерской волне.

Стоит в озеро глянуть однажды,
Отразиться в его хрустале —
И наполнишься вечною жаждой
Возвращения к родимой земле.

Разливается озером-морем
Синева без границ и без мер...
Драгоценность в зелёном уборе,
Украшение Руси — Селигер!..

Яблони

Мы — яблони. Наши тугие плоды —
 Воскресшая память эдемского древа.
 Века человек воздвигает сады,
 Чтоб вновь соблазнилась безгрешная Ева.

Мы — яблони. Мы так обильно цвели,
 Что каждый цветок завершился рождением
 Плода, напоённого соком земли
 Под знаком небесного благословенья.

Издrevле мы — близкая ваша родня.
 Без нас у планеты полжизни убудет.
 Мы — свежесть и щедрость осеннего дня...
 Мы — яблони! Не оставляйте нас, люди!..

Красный Бор

Длинноногие мальвы
 раскрыли цветки-стетоскопы
 И слушают воздух,
 наполненный ритмом
 дождей...

У медлительных дней
 ничего от изысков Европы,
 Но живёт палисадник
 без всяких мудрёных затей.

Он баюкает душу,
 он помнит заветное слово
 И затеплит свечу,
 если боязно будет заснуть...

А за кромкою леса,
 в берёзовой мгле и сосновой
 Ворожит нам речушка
 с языческим именем Мжуть.

Листопад

Золотые бабочки с берёзки —
Листья августовские летят.
Огневицы-осени наброски,
Робкий, неокрепший листопад..

Среди буйства зелени и сини —
Первые янтарные мазки.
На плечах печальницы-России —
Павлово-Посадские платки...

Переделкино

Переделкино

Шуршанье шёлковое шин
Да самолетов гул тяжёлый...
Но щебет ласточек весёлый,
Но свет рубиновых рябин!..

Огромный город раскалён
И, приближаясь, дышит в спину...
Но иван-чая взор невинный,
Но колокольцев тихий звон!..

Среди заоблачных громад,
Теснящих старые погосты -
Нетронутый зелёный остров,
Не срубленный вишнёвый сад!..

Здесь утра свежи от росы,
А вечера благоуханны...
Здесь луг купается в туманах,
И медлят речи и часы.

А после истечения дня
Закаты розовы и алы...
Истоки наши и начала,
России тонкая струна.

Дом творчества. Переделкино, 2005

Когда движеньем колеса
Фортуна выдала удачу,
На переделкинские дачи
Взор обратили небеса.

И проявился старый дом
С открытой книгой на фронте,
И побелённые колонны,
И тень ракиты над прудом.

Здесь вековые деревья
Слились в зелёные чертоги,
Богини мудрые и боги
Творили вечные слова.

Неделя минула, как час.
Светило близилось к закату.
Исчезла юная Эрато...
Был август.
День шестой.
Парнас.

Дом творчества. Переделкино, 2013

Всё тот же Дом, пленяя и маня
 Наивностью и ветхостью ампирной,
 Всегда не замечающий меня
 В задумчивом молчании надмирном,

Он так же светит сквозь узор листвы
 Молочной белизною колоннады.
 А мне довольно гроз, дождя, травы,
 Чтоб стать своей в запущенности сада

И поспешить захлопнуть ноутбук
 И в путь пуститься по сырой тропинке...
 А ночью слушать отдалённый стук
 Старинной, верной пищущей машинки.*

*Существует легенда, что по ночам в старом корпусе
 Дома творчества работают жившие здесь писатели.

Маньчжурский орех

Мне, пришлой гостье, неумехе,
 Собравшей рифм минорных горсть,
 Внимало дерево ореха,
 Что тоже тут, пожалуй, гость.

Свидетель, слушатель, болельщик
 За всех, кто жил здесь и живёт, —
 Орех маньчжурский — перебежчик
 Из экзотических широт.

Поклонник малых и великих,
 Имён классических и дел,
 Чьи лица, а вернее — лики
 Хранитель-Дом запечатлел,

Орех всё ниже гнётся долу,
 Роняя острые листы,
 Но вновь и вновь приносит Дому
 Плоды эдемской красоты.

Балерина

Как движется, как держит спину,
Как царственно она идёт!
Седеющая балерина —
Принцесса, фея, Турандот!

Что снится ей, познавшей горечь
Падений и восторг побед?
С благословенья Терпсихоры
В ней жив блистательный балет.

Идёт ей этот Дом старинный
И предвечерний полумрак...
И имя царское — Регина —
Опережает лёгкий шаг.

Старый дом

Июль прохладен, не решаясь
Переступить свою же грань
Макушки лета. День застрял
В исходе позднего апреля.
Но звук альтгорна и свирели
Царит, в ветвях перекликаясь.
Раздолье кашки и крапивы.
Колонны Дома сквозь листву.
Дом жив ещё. И я живу.
Нет дня печальней. И счастливей.

Высоких сосен розовые струны
Натянуты меж небом и травой,
И влажный ветер, музыкант безумный,
С утра сегодня будто сам не свой.

Разносит по строениям и весям
Дождь в сочетании с солнечным лучом.
А в целом день, хоть и промок, но весел,
И нам его ненастье нипочём,

И мы живём, вооружась зонтами,
Меж небом, солнцем, соснами, дождём
И знаем — всё случившееся с нами
Пребудет вновь — и завтра, и потом.

Расставание было легко,
несерьёзно,
ведь и встреча случилась
не слишком всерьёз.
Но повеяло чем-то
щемящим и грозным —
горьковатым предчувствием
подлинных слёз.

Вдруг почудилось, что
и деревья, и люди,
населявшие эти
недолгие дни,
заскучают
и долго печалиться будут,
будто вправду
со мной породнились они.

И я буду писать им
строкой электронной,
как я помню их речи,
улыбки, тепло,
возвращаясь на тот
незабвенный, зелёный
переделкинский остров,
где быть повезло.

А я себя уговорю,
Что снова это повторю —
Рассвет, улыбку, пробужденье
И в жизнь прекрасную вхожденье,
Где есть деревья и цветы,
Где солнце, дождь,
Где я да ты.

Пруд в Переделкине

Заросший, тинистый, тенистый,
коричневый, как палый лист,
пруд за ракитой серебристой
давно забыл, что он был чист,
что он с бульваром Чистопрудным
знавался, будучи прудом,
и отражал светло и чудно
и парк, и облако, и Дом.

Уходит в илистое ложе
его стоячая вода
и ждёт — а может быть... а может?..
Но, Боже мой, когда? Когда?..

Фонарь

Фонарь — большое яблоко стекла —
был набок сбит и криво нахлобучен.
Ненастьем и вандалами измучен,
он не сулил ни света, ни тепла.

В подножии, меж стеблями травы,
блестел янтарь — бутылка из-под пива,
и заросли малины и крапивы
вольготно жили под шатром листвы.

Но летний вечер, пряный и густой,
зажѐг закат и к фонарю спустился —
и тот вздохнул и тихо засветился,
и поднял голову, любуясь красотой.

А по соседству сосны и дубы
шумели над стеклянной головою..
И чудилось — фонарные столбы
к утру пойдут зелёною листвою.

Над балконом — львиный рык стихии.
После — тишь, сторожка, немая..
И явленье строк хрестоматийных
О грозе и о начале мая.

Тихий шелест по листьям, по сучьям,
Вкрадчивый баюкающий лепет..
Будто скрип хароновых уключин
Над водою равнодушной Леты.

Но взгляни — меж туч видны просветы,
Воздух чист и звонок от озона.
И ещё не скоплены монеты
Для уплаты старому Харону.

Дом творчества. Переделкино, 2014

Ветшает наш писательский приют.
И ниже прежней кажется ограда...
Но сосны здесь до неба достают,
И так же бел рисунок балюстрады.

В пространстве своего полукольца
Она, как прежде, выслушать готова
И откровения титана и творца,
И строки малые отеческого слова.

Ветшает Дом, но всё светло крыльцо,
И так же он отогревает сердце,
Как навсегда любимое лицо,
В которое глядеть — не наглядеться.

Птичий посвист строкой монотонной
да листвы полутень-полусвет...
В этом мире спокойно-зелёном
можно жить до скончания лет.

Можно думать, что в этой аллее,
где витает великая тень,
старый дуб обо мне пожалеет,
а весной распахнётся сирень.

Можно жить в безвоздушном пространстве,
Растворясь в городской толкотне,
Если знать, что есть сад Гефсиманский,
Что он, может, вздохнёт обо мне.

А всё же и мне это чудо досталось:
степного цветка первобытная алость
да белой травы переплеск аромата,
да луг, опоясанный лентой заката —

Всего понемногу, в лекарственных дозах...
А всё же довольно, чтоб вытереть слёзы,
когда у каштана листва поникает,
когда в Переделкине лес вырубают.

Память

К истоку, к бьющему из почвы роднику,
Младенчески прозрачному вначале,
Где травы свежие, а детские печали
Ещё не слиты в серую тоску!

Жизнь — что ручей, что малая река —
Течёт и тает в море-океане...
Но обернуться тянет непрестанно
Назад, к истоку, к струям родника.

О, королевские манеры
Провинциальной голытьбы!
Необъяснимые химеры
Такой обыденной судьбы...

И всё же — этот взор надменный
И губ трагический излом...
И то, что так не-современно,
Не-своевременно живём.

И тень усадебной колонны
В плену бетонной духоты.
И канувших и заточённых
Давно минувшие черты.

И — ни направо, ни налево
В жестокий суетливый век...

У корня срубленного древа
В живых оставшийся побег.

Анна Ахматова. 1913

Стихи тринадцатого года.
Неслышный вздох. Небрежный жест.
Земная женственность природы.
Святое таинство небес.

Слова, упавшие в молчанье.
Мольба, молитва, оберег.
Со всем любимым расставанье.
И к тайне вечности побег.

Воробьёво

*Сергею Петровичу Фёдорову,
лейб-хирургу Императорского Дома*

Пахнет осень прелою листвою.
Слышен шум невидимой запруды.
Гаснет небо. И явленьем чуда
Диск луны плывёт над головой.

Над оврагом, с чёткостью резца,
Старый дом диковинного свойства.
Всё его дыханье и устройство
Есть каприз владельца и творца.

Шпили, башни, лестницы, крыльцо,
Все его изломы и извивы
Ветхо и пленительно красивы,
Как былой красавицы лицо.

То ли давней памяти следы,
То ли лист семейного альбома —
Силуэт причудливого дома
Над зелёным зеркалом воды.

Семейный альбом

Боюсь, что мне уже не суждено
Найти те склепы, а скорей погосты,
Где прадедов моих остались кости,
Их имена, забытые давно.

Но вот альбом, семейный артефакт,
В потёртом бархате
и с золотым тиснением...
В нём прошлое живёт и дышит в такт
С моим дыханьем и сердцебиеньем.

Невольно останавливаешь взгляд
На карточке с желтеющей страницы —
Совсем зелёный молодой солдат
И офицер с Георгием в петлице.

В сырых окопах Первой мировой
Сражаясь за Отечество и веру,
В простреленных шинелях тёмно-серых
Они остались зарастать травой.

Спустя сто лет, в иные времена,
Под мирными сегодня небесами,
Склоняется Россия пред сынами
И в книгу памяти заносит имена.

В какой-нибудь Канаде или в Риме,
Или в другом раю
Во сне ты видишь шпили старой Риги
И снежную Москву.

Мы прожили немало долгих жизней
С тех незабвенных пор,
Когда ты был, самой Любовью призван,
И дар, и приговор.

И время, растянувшись, истончалось,
Старая от забот.
И многое вершилось и случалось,
И предьявляло счёт.

И вот теперь, в Париже или в Вене,
В сегодняшней судьбе,
Во сне ты тихо плачешь об измене
Тогдашнему себе.

Рига

Готический город,
 чужой,
 черепичный,
 Молчащий за вязью оград,
 От шпилей и крыш
 золотист
 и коричнев,
 Как яблоко,
 как листопад.
 Графический город, рукою
 искусной
 Рождён на пустыне листа.
 Органной мелодией
 счастья и грусти
 Пронзает твоя красота.

 Магический город,
 балтийским туманом
 Скользящая мимо ладья...
 К заутрене — поздно.
 Ко всеобщей — рано...
 Вечерняя месса моя.

Всё было, как снилось, как должно —
 Метро, переход, поворот,
 И снег с поднебесья, и дождик,
 И в кашу размешанный лёд.

И кадр довоенного быта —
 Среди вознесённых громад
 Старинного дома на Мытной
 Знакомый, из детства, фасад.

Как вид его был узнаваем!
 Как запахи ёлки и свеч...
 Хозяйки улыбка живая,
 Хозяина мягкая речь.

Не память ли мне колдовала
 Под кровом чужого тепла?
 Я здесь никогда не бывала...
 А может быть, всё же — была?..

Дежа вю

За то, что так долго и верно живу
В горниле грохочущем стольного града,
Бывает, и мне выпадает награда —
Миражная, зыбкая явь дежа вю.

Беседка в заросшем жасмином саду.
Аллея с медовым дыханием липы.
Кузен-подпоручик, ещё не убитый.
Гнедой жеребец у него в поводу.

Ржавеющий вензель над аркой ворот.
Из окон — аккорды, светло и негромко...
А то, что всё это — киношная съёмка,
Не так уж и важно. Не так уж и в счёт.

Архаика родного языка
Близка мне по рождению и настрою.
Так археологу желанна и близка
Находка из Пергама или Трои.

В пыли раскопов, в глине черепков
Являются ему сады и храмы...
Так мне звучанье позабытых слов
Являет акт средневековой драмы.

Я трапезой хочу назвать обед
И яством — незатейливое блюдо...
Названья эти добавляют цвет
И аромат, и вкус, и отблеск чуда.

И может, за приязнь такую к ним,
Из моды вышедшим ещё во время оно,
Старик Державин глянет благосклонно
И Белла улыбнётся со стены.

Сколько миновало лиц и звуков,
Сколько их прошелестело мимо!..
Вот и время сумерек и внуков,
И надежд, уже неисполнимых.

Как же это, ведь совсем недавно,
Не вчера, быть может, так намедни —
Юный вальс, задумчивый и плавный,
Мокрый зонтик, брошенный в передней...

Полно, с той поры такие реки
Утекли, сливаясь в водопады,
Что смежили каменные веки
Статуи Египта и Эллады.

Полно, это музыка из сада,
Это только клавиш трепетанье!
А душа — ей лишь того и надо —
Летний дождь, мелодия, касанье...

Памяти Жени Олениной

По каменистой песенной тропе
Смиранным пилигримом большеглазым
Шла девочка, вверявшая судьбе
Стихи — не огранённые алмазы.

И то, что оказалась коротка
Дорога и была неравной битва,
Предвидела негромкая строка,
Похожая на детскую молитву.

Там, за пределом гроз и облаков,
Среди никем не познанного света
Сердечную мелодию стихов
Должно быть, слышат дети и поэты.

Мой друг из дальних лет и зим,
 Неужто так мы обветшали,
 Что, как рисунок старой шали,
 Мы на просвет души сквозим?
 И что мы принимали за
 Свои победы и успехи —
 Прорухи наши и прорехи,
 Любви покинутой глаза?
 Нас тянет полистать альбом
 И посидеть в потёртых креслах,
 Чтоб заболела и воскресла
 Душа в цветасто-голубом.
 Чтоб, потакая нам, она
 Всё ж не прощала неуменья
 В попытке собирать каменья
 В оставшиеся времена.

Сегодня обо всех, прошедших мимо,
 Коснувшихся крылом,
 Кто населяет вечно и незримо
 Оставленный мой дом,

Всех тех, кто был не вынутой занозой,
 Кто тенью, кто мечтой,
 Кто избежал обыденности прозы
 И пытки суетой,

Всех, для кого — О, если бы вначале,
 О, если бы тогда!..
 Я вспоминаю без былой печали,
 Без боли и стыда.

Что обретенье было, что утрата,
 Что случай, что слова —
 Сегодня только тихая отрада
 Недолгого родства.

Кончина лета, осени рожденье,
 Начало сентября..
 Ложится свет святого Воскресенья
 На лист календаря.

Девятнадцатому веку

Я там, где зажигают свечи
В канун Святого Рождества,
Когда в душе светло без света
И сердцу не нужны слова.

Там за Отечество и Веру
Не страшно голову сложить,
И дружбе нет цены и меры,
И без любви не стоит жить.

Там крылья не побиты молью,
И все пути приводят в храм.
Там между радостью и болью
Всегда есть место чудесам.

Там чтят родимые могилы
И добр к природе человек...
Ушедший, изгнанный, но милый
Мой золотой минувший век!

Вам, родившимся на Арбате,
вам, живущим в Замоскворечье,
коренной родовой знати
с золотою московской речью,
каково вам, в метро толкаясь,
слушать клёкот чужой лавины,
заливающей, не стесняясь,
все сосуды Третьего Рима?

Можно мнить себя демократом,
уповать на прогресс и Бога...
только жалко до слёз Арбата.
Только вас у Москвы немного.

Фагот

«Memento mori!..
(«Помни о смерти...»)

Зима поселилась надолго.
Укуталась в белые шали.
Рождественской хвои иголки
С шуршаньем стекли и опали.

И низким простуженным боем
Часы тишину разбивают.
Холодною и голубою
Луна в эту пору бывает.

В дому ни свечи, ни лампы,
Но будто светло отчего-то...
Исполненный горькой отрады,
Доносится голос фагота.

Тоскующий звук инструмента
Струится в ночном разговоре.
И явственно слышно — «memento!»
И через дыхание — «mori...»

Ты знаешь, я долго иду
по жизни, не слишком удобной
для жизни. Так долго, что жду
рассветов, как площади Лобной.
Грущу, спотыкаюсь в пути,
ропщу на текучесть и бренность...
Но крепко сжимаю в горсти
святую свою драгоценность —
от бабки моей образок,
истёртый, как профиль наскальный,
да голос, что чист и высок —
твой голос — то близкий, то дальний.

Только бы видеть, как нежные листья,
Падая, греют озябшую ночь.
И, на деревьях развесив мониста,
Лето уходит медлительно прочь.
Только бы помнить — цвела медуница,
Тихим румянцем светился кипрей...
Только бы были родимые лица
Там, высоко, у последних дверей.

Увядших уст скользкий поцелуй.
Шуршащий лист утраченных иллюзий.
Сандалии изношенные Музы.
Жестокость зеркала, стоящего в углу.

Неслышный вздох, слетающий в рассвет.
Молчанье запылённых сухоцветов...
И множество вопросов без ответов.
И неизбежность всем держать ответ.

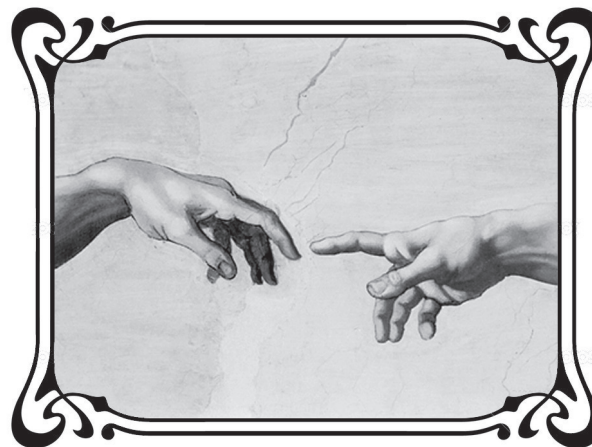
Сад

*«За этот ад, за этот бред
пошли мне сад на старость лет...»*

Марина Цветаева

Многое было. Но не было сада.
Чтоб замирать от библейской улады.
Чтоб умирать от любви и труда.
Не было сада. Нигде. Никогда.

Сердцем единым

Что не названо словом —
 Оставляет возможность свершенья.
 Акварельно и зыбко
 Занимается свет.
 Ещё нет лжи и правды,
 Отчаяний и воскрешений,
 Ещё слышно «быть может»,
 А не жёсткое «нет».

Что не названо словом —
 Ещё лишено очертаний,
 Созревает и длится
 В затаённой тиши...
 Но уже проступает
 Предчувствие, предначертанье,
 Согревая дыханием
 Близкой души.

Взошла случайная звезда.
 В случайный час случайно имя...
 А я живу, как жизнью, ими
 Вчера, сегодня и всегда.

Мечта, случайность и беда —
 Волшебным обернулись зельем.
 Всё разно в нас и нераздельно
 Вчера, сегодня и всегда.

И лёд, и талая вода
 Уйдут. Ничто не повторится.
 А мне ваш тихий голос снится
 Вчера, сегодня и всегда.

Из ниоткуда в никуда
 Мелькнули вы. Но сердцем знаю,
 Что я навеки вас теряю
 Вчера, сегодня и всегда.

Это зыбко, это спорно,
Это трудно объяснить.
Ничего здесь нет от нормы,
Чтобы с оною сравнить.
Ни от нормы, ни от права,
Ни от шутки, ни от зла...
Только странная отрава
Дымом на душу легла.

Только тонкое запястье
Обвила цветная нить.
Только хочется со счастьем
Эти странности сравнить.

В таинственных глубинах пианинных,
В их молоточках, клавишах и струнах
Непредсказуемо, светло, непостижимо
Мне всё еще звучат аккорды Лунной.
Они живут в старинном инструменте,
В душе его, как музыка, бессмертной,
Не уходящим аккомпанементом
Тебе и мне, расставшимся и смертным.
Зелёный август завершен и краток.
Всё больше охры, золота, кармина...
Плывет и льется вечная соната
В сердцах расстроенных —
моем и. пианинном...

Как тихо, милый мой, как грустно.
Свеча берёзы так светла,
Что все эпохи, все искусства
Собою высветить могла.
Слова просты и безыскусны.
Смолкает листьев шепоток.
Рас слышать так ты и не смог —
«Как тихо, милый мой, как грустно...»

Живу на краешке души,
 таким окраинном,
Как будто от щедрот больших
 тайком украденном.
И кроме этого огня
 от свечки тающей,
Ни обогрева у меня,
 ни обиталища.

Но я отдать не пошкуплюсь
 весь мир блистающий
За край души, где становлюсь,
 как ты — летающей...

Не страшно?
Заманю, опутаю,
Речами сладкими окутаю —
Мой навсегда!
Придут на зов метели лютые,
Твои дороги перепутают —
Нет и следа!

Не бойся, сокол!
Не умелая
 ворожея —
Я только женщина несмелая,
Совсем твоя...
Уйдёшь —
Разлуки этой горестной
Не принимая,
Я тихо, как туман над озером,
Растаю...

Помилуй Бог меня от этой хвори
Очередной.
И так достало нежности и горя
Судьбе одной.

И от весны с тревогой и капелью
Меня избавь!

Вот только — голос тот
 виолончельный...
Его — оставь.

Я плавать не умею, а плыву,
 Как волосы осоки — по теченью.
 На мне блестит спокойное свеченье
 Высоких звёзд, вкрапленных в синеву.

Как лодке с переломленным веслом
 Противиться могучему влеченью?
 Я следую ему, как увлеченью,
 Как привлеченью мощью и теплом.

Миную камни, мель и быстрину,
 И незаметно став теченья частью,
 В разливе устья,
 как в разливе счастья,
 Теряюсь,
 растворяюсь
 и тону.

Ты сказал мне: — Как было бы славно —
 палатка,
 и костёр, и вдали — комариный содом...
 Я кивнула согласно: так славно,
 так сладко —
 ты и я, и палатка...

А подумала — дом!..

Ты сказал: — Как прекрасно
 на лоне природы
 Пересчитывать звёзды
 над тёмным прудом!
 Я кивнула согласно: прекрасны походы,
 И природа прекрасна...

А подумала — дом!..

Ты сказал: — Что волшебней
 Мгновений с любимой!
 Я их вспомню, наверно,
 и пред божьим судом!
 Я кивнула согласно: они несравнимы.
 Ничего нет волшебней!

А подумала — дом!..

О, как смешна тебе томительная грусть,
 Слов необыденных высокие котурны...
 Наивно, может быть, скажу — я не берусь
 Судить о том, что хорошо, что дурно,
 Где есть добро поступка и души
 Такой чужой, что и в жару ознобом
 Охватит, если из своей глуши
 Рванусь к тебе, в твою обитель снобов.
 Уже не знаю, бедность или клад,
 Чем безнадёжно и давно владею.
 И виноват ли тот, кто виноват,
 Что в одиночку от разлук седею.
 Прощая, празднуя, ревнуя и скорбя,
 В заботы ежеутренне впрягаясь,
 Так и живу — в предчувствии тебя,
 Единственно на сердце полагаясь.

*«Не знаете, чего хотите?
 Советую вам взять собаку!..»*

П. Вегин

Мне бы лопухую собаку.
 В надоевшей этой тишине
 Завести лохматого собрата.
 Позарез собаку надо мне!
 Ах, какая б выпала удача!
 Вечером и ночью после сна
 Я лелеяла бы жизнь её собачью,
 И мою — такую же — она.
 Но в быту квартиры коммунальной
 Нет для пса законного угла.
 Поразмыслив трезво и печально,
 Я собаку так и не взяла.
 Мне самой собакой стать осталось
 Для тебя. Спасла бы от беды.
 На врагов свирепо огрызалась.
 Слушалась. Да нет во мне нужды.

И случись какая в жизни драка
 Или невезенья колея —
 Я — увы! — сама себе собака.
 Не твоя. А стало быть, ничья.

Сверчок

Опоздал на много лет...
И хвалёный наш рассудок
В серой сутолоке суток
Положил тому запрет.

Потому что вышел срок,
Путь обратный нам заказан,
И шесток свой знать обязан
Каждый мыслящий сверчок.

Но отвергнув толк и прок,
Впав по времени в ошибку,
На тебя настроил скрипку
И пиликает сверчок.

Мне бы — выжить.
Мне бы — выжечь
имени нарыв!
Мне бы рыскать ведьмой рыжей
за травой-разрыв!
Ненавидеть бы — до сини
сжатых болью губ!
Хлад осенний,
яд осиный —
лишь бы не был люб!
Всё. Застыла.
Всё. Забыла.
Всё. Угомонись!

Ой ли, всё ли?
Милый, милый!
Хоть во сне приснись!..

Щемящее чувство утраты —
На взлёте, на счастье, на вскрике,
На миге, безумно богатом,
На солнечном блике.

А в трезвости хмурого быта,
У будней и бед посередке —
Сознание нами открытой
Бесценной
находки.

Не счастье, но возможность счастья,
Обманчивое колдовство.
А было только и всего —
В игре случайной соучастье.

Предчувствие — но без причин.
Мгновение — и невозвратность.
Невероятна вероятность
Безмерно малых величин.

Доверчивость, неосторожность,
Слепая оттепель зимой...
Не счастье, но его возможность...
И телефон глухонемой.

Маковой росинкою тепла
Мне твоя улыбочивость была,
Маковой росинкой единенья
Во веобщем душ оледененье.

В хмуром доме, где так мало солнца,
Доброта оттаяла оконце
И во льду бесстрашно проросла
Маковой росинкою тепла

Чужого мира притяженье,
Чужой души зовущий свет —
И вновь пренебреженье лет,
И разума пренебреженье.

И снова горькая тщета
В пути к родству, к теплу, к жилищу...
И пахнет дымом пепелища
И теснота, и пустота.

Обещания — смутный намёк,
Холодок обретенья и риска,
Блеск обманчивый авантюризма,
Неусвоенный грустный урок.

Горький опыт, скептический смех —
Всё не впрок, всё напрасно и втуне...
В благодатном и юном июне
Это всё неуместно, как снег.

Разноцветье воздушных шаров,
В небе радуг двойных коромысла...
Обречённость рассудка и смысла,
Провиденье данайских даров...

Там, в утраченном времени, там —
Обещанья толпой разноликой
Сушат слезы и прячут улики,
И сестрам раздают по серьгам.

И почти доверяясь, почти
Утверждаясь, что можно сначала...
Что там, я и сама обещала!..
Сохрани, и спаси, и прости!

Ах, как скоро платить по счетам,
Как казна на поверку убога!
Помолчим перед дальней дорогой
И ещё раз поверим слезам.

Какой был сон! — огонь, очаг и храм.
Азартность боя —
и надёжность тыла...

Чтоб было неповадно верить снам —
какою явью душу ознобило!..

Не в лад, не попад, неурочно,
В бреду, во хмелю — всё равно,
Рассыпал мой замок песочный
Чужой кавалер Сирано.

Растаяли и отзвучали
Чужие слова-кружева..
Песочные стены упали.
Стою — ни жива, ни мертва.

Бездомно,
 бездумно,
 бессонно
Живётся и дышится мне
Со словом хрустального звона,
Забытым в хмельной болтовне.

Случайности той же послушный,
Исчез кавалер Сирано..
А я строю замок воздушный,
Я строю его всё равно.

Возможно, что нужны нам антиподы
Для прочности земного бытия.
В законченной гармонии природы,
Возможно, существует анти-я.

Возможно, антиподы безупречней
Моих несовершенных двойников.
Но двойники, пожалуй, человечней
Пришельцев из чужих антимиров.

Не правда ли, мы с вами антиподы.
А с ним мы, безусловно, двойники.
И что ж — по странной прихоти природы
Мы друг от друга равно далеки.

Море, шумящее так давно —
Древнее снегов и гор.
В лозах опальных спит вино —
Тёплое, как твой взор.

Вся переливчатость серебра,
Все грани голубизны...
Ты говорил ещё вчера,
Что здесь сбываются сны.

Серый, в прозелень, диабаз
Старше дворцовых стен...
А снилось — будто меня ты спас.
А может быть, — взял в плен.

Молчание

Слова толпились и рвались
В узде терпенья.
В них было всё — земля и высь,
И плач, и пенье.

И если истина двоих
Существовала —
Она и радовалась в них,
И горевала.

Но запечатаны уста
Привычным жестом.
И обрывает немота
Разлив оркестра.

Как будто убирают звук —
Всё дальше, глуше...
И от предчувствия разлук
Немеют души.

От семи печалей травы
В зимнем сне.
Ни худой, ни доброй славы —
Вам и мне.

Ни раздумья, ни забавы —
Ничего.
От семи печалей травы —
От него...

Беспредельно чужой,
 Бесконечно усталый,
 Безнадежно спокойный,
 Из смуты и тьмы
 Голос ваш прозвучал —
 И казаться мне стало,
 И казаться мне стало, что близкие мы...
 Ни судьба, ни молва
 Нас не свяжут союзом,
 Мой единственный рыцарь на час.
 Но среди дорогих погребённых иллюзий
 Драгоценнее не было — вас.
 Говорите со мной,
 Иногда говорите,
 Ядовито, печально, смешно.
 Что, не ведая сами,
 Вы тем сотворите,
 Вам простится потом все равно.
 Наступает канун
 Неминуемой стужи.
 Темнота заливает пути.
 Бесконечно чужой,
 Чужой, но не чуждый —
 Посвети мне еще,
 посвети!..

Сколько лет поёт, седея, Сольвейг
 И не верит зеркалам озер...
 Вот и я не верую нисколько,
 Что ты пришлый, путник и актёр.

Да, ушёл, в последний раз рассыпав
 Смех, как нить холодных жемчугов...
 Но ещё полны весёлым скрипом
 Половицы от твоих шагов.

Но ещё нам предстоит осмыслить —
 Случай ли, проступок или счёт
 За прекраснейшую из бессмыслиц,
 Чем душа пьянится и живёт.

Старая фотография

Что за блажь, впадание в детство,
Или в старость, или в грех —
Допустить твоё соседство
В круглой рамке под орех.

В старом зеркале в передней —
Будто шорох, будто тень...
Ностальгические бредни,
Сентиментов дребедень.

Из непредставимой глубины
Этот снимок, из времён,
Где не ведаем, что любим,
И не верим, что умрём.

На бесстрашных наших лицах —
Только радость, только день!
Всё, чему потом случиться —
Суета и дребедень...

А мне немного довольно
В моей оставшейся судьбе —
Знать — и тебе светло и больно
От нас, тогдашних. И тебе.

Пока ещё разлука — не разрыв.
Пока ещё печаль остановима.
И музыки тревожащий надрыв
Пока ещё проскальзывает мимо.
Пока ещё в горячечном бреду
Блеснёт нам счастье чистотой алмаза...
А что оно похоже на беду —
Когда-нибудь,
 когда-нибудь,
 не сразу...

Над нами небеса разверзлись,
Как занавес театра.
Прощу и ласковость, и дерзость,
Вчера и завтра.

О, только бы не унималось
Ненастье в законе!
О, только бы не разнималась
Ладонь с ладонью!..

В буднях я не узнаю тебя,
ты — мой праздник.
Ты — нечаянный праздник,
живой и прекрасный,
Ты — смеющийся праздник!

Я зимою тебя не узнаю,
ты — лето,
Ты из солнца и брызг
изумрудного цвета,
Ты — волшебное лето!

Ты вернёшься, не правда ли,
смуглое лето?
Как же мне зимовать,
не поверивши в это?..

Мне смотреть на тебя и отрадно, и вредно,
как на сварку без синей преграды щитка.
Что высвечивать эту пустынность и бедность,
эту жизнь с молотка?

А ещё так могли бы сверкать метеоры —
тоже странники, тоже бродяги огня,
перелётные солнца, орбиты которых
никому не отнять у меня.

А ещё — фейерверки.. Опять я ослепну
и опять захочу неотрывно смотреть
на прекрасное пламя.
Но как же нелепо
попытаться им дом обогреть!..

Говоришь умно и многословно.
 Что ни слово — красное словцо.
 Только словно — некая условность,
 Словно — полумаска на лицо.

О, слова обманны и чудесны,
 И исполнен помысел добра!
 Охрани ты нас от лицедейства,
 Время, милосердная сестра!

Или нет — дай заболеть надеждой,
 Обмануться дай в последний раз!..

Это правда в будничных одеждах,
 Это правда разлучает нас...

Как ты смеёшься, молодой и сильный!
 Как грустен, уходя...
 Мне не дал Бог ни дочери, ни сына —
 Лишь слово
 и тебя.

Затем, наверно, чтоб во тьме туннеля,
 В печалях
 и в борьбе
 Горело сердце, а уста немели
 При мысли
 о тебе.

Затем, чтоб эта маленькая слава
 Бесценная
 твоя
 Вершилась словом, как магнитным сплавом
 Мечты
 и бытия.

Чтоб были небеса благословенны
 Из снега
 и дождя.
 Чтоб гость весёлый из чужой вселенной
 Был грустен,
 уходя...

Так жаль несбывшейся любви!
Как наш ребенок не рождённый,
Она еще живёт в крови,
Приходит в дом опустошённый.

Каких даров лишились мы,
Я и представить не пытаюсь.
И от неё, как от сумы,
Как от тюрьмы — не зарекаюсь.

В этом краю из листвы и тумана —
иволги свист в тишине первозданной —
имя любимого.

Капли дождя в перезвоне стеклянном,
запах вечернего луга дурманный —
имя любимого.

Солнечных зайчиков россыпь в полянах,
осени близкой стежок златотканый —
имя любимого.

Жалобой скрипки и вздохом органа —
имя любимого.

То, что жива ещё меж безымянных —
имя любимого.

Ты завтра скажешь мне: — Не плачь,
 Теряешь ты пустяк, химеру...
 Ты в выдумке теряешь меру —
 Я сказочник, но не палач.

Не плачь. Своя у сказок роль,
 Свой возраст и свои задачи...
 Всё в жизни обстоит иначе.
 Я сказочник, но не герой.

Скажи, что враль я и трепач,
 Пустой и легконогий случай!
 Других не хуже и не лучше,
 Я только сказочник. Не плачь...

Болезнь

В сухом жару, под гнётом одеяла,
 То погружаясь, то взлетая ввысь,
 Душа с болезнью сосуществовала
 И обретала странную корысть.
 Как будто на краю иллюзии и яви,
 На грани сна, похожего на бред,
 На старом пляже разноцветный гравий
 Оберегает узкий влажный след.

Как будто двое, зелены и глупы,
 Смеются громко, за руки держась...
 И не от жара высыхают губы,
 А просто — счастье,
 молодость
 и страсть.

Расставание

В душе распахнутой гуляют сквозняки
И гонят по углам листы бумаги.
Бездомнее экранного бродяги
Ты смотришь вслед ему из-под руки.

Потом, прильнув к оконному стеклу —
Увидеть бы ещё, до перекрёстка! —
Вдруг натыкаешься на пепел папироски
И плачешь, сидя прямо на полу.

Пять минут утончённой лести —
И заслушался собеседник.
На конце шелковистой лески —
То крючок, а то и ошейник.

Так ты был беспощадно честен,
Мне надежды не оставляя,
Что одною лишь жаждой мести
Я слова свои наживляю.

В этот омут, тихий и зыбкий,
И сама, боюсь, угадаю...

Не ловись, не ловись же, рыбка!
Уплывай, моя золотая!

Песенка о надеждах

Не возлагай надежд, что ты
 Ещё имеешь шанс.
 Давно от станции Мечты
 Отъехал дилижанс.
 Не возлагай надежд, мой друг,
 У станции Мечты
 Уже совсем не слышен стук
 Колёс из темноты.
 Не возлагай надежд, что вновь
 Старинный экипаж
 Тебе вернёт твою любовь —
 Ведь ты её предашь...
 Не возлагай надежд... И всё ж
 Я не могла бы жить,
 Не веря в то, что ты придешь
 Надежды возложить.

Деревья, собранные в купы,
 Ромашка, розовый кипрей...
 И у колодезного сруба
 Следы невиданных зверей.
 И кот с походкою сановой
 Меж гряд картофельной ботвы.
 И чувство, что сама виновна,
 Что не сносить мне головы
 За это дачное приволье,
 За роскошь праздности и зной,
 За сон, в котором мне не больно
 И ты со мной,
 со мной,
 со мной...

Одним движеньем — оторвать,
Как ржавый бинт при перевязке!
Так нет — едва тащусь к развязке,
И всё оглядываюсь вспять,
Всё по-вчерашнему сужу,
И всё сворачиваю шею,
Как будто взглядом удержу
То, чем и в мыслях не владею.
И всё баюкаю слова,
Произнесённые в ползвука...
Ах, как меня ты убаюкал!
Тишь тем доселе и жива.
И как осенний палисад,
Опустошаясь постепенно,
О зимнем холоде мгновенном
Прошу белёсый снегопад.

Жалеть о прошлом — что за бред!
А я, по слабости, жалею...
Не так жалею, как болею.
Оно живёт и застит свет.
И для сегодняшнего дня
Сужает время и пространство.
И носит имя — Постоянство.
И не помилует меня.

Опять, моё сердце, опять и опять —
От голоса вздрагивать и замирать,
Не слушать его, а вдохнуть и дышать,
Не слушать, а будто дождём орошать...
Недолгие речи, да долгая власть.
Так просто — услышать, и снова пропасть.
А голосу до моего пропадания —
Как снегу на листьях до их увядания,
На листьях, которым давно опадать...
Опять, моё сердце, опять и опять!..

Будь жив и здоров! — я говорю.
И будто колдовство творю.
Мне в том ни радости, ни славы...
Но будешь ты живым и здоровым,
Пока, болеть не престав,
Я говорю — будь жив и здоров!..

Окно из серебряной скани,
 Зарёй окроплённый снегирь.
 Сажусь не в свои сани
 И еду в чужой монастырь.
 Врата его вечно закрыты,
 А возле — немало застав.
 К паломникам и неофитам
 Суров его древний устав.
 Но вот — розовеющей ранью
 Багряная капля — снегирь.
 И снова — не в свои сани.
 И снова — в чужой монастырь.

Моя печальная награда,
 Моя всегдашняя расплата
 Да неотвязная забота,
 И к ним — неведомое что-то —
 Всё в мешанине, толкотне
 Перемещалось и сливалось,
 И вдруг лицо твоё являлось —
 То, обращённое ко мне.
 Казалось, с этим всё в порядке.
 Все выдумки, все лихорадки —
 Туда, в опальные тетрадки,
 В шкатулки,
 в пепел,
 в пыль и в прах!..
 Но — обольёт смертельный страх,
 Что там, на сквозняках осенних
 Оставшегося бытия
 Ни разу не согреюсь я
 Лица любимого явленьем.

Повилика

Что, хороши ль теперь твои дела,
Товарищ мой, давнишняя зазноба?
Не странно ли, что юность умерла?
Не странно ли, что выжили мы оба?

Зачем съедает шины гололёд
И зябнут длинноногие гвоздики?
Пожалуй, наступает твой черёд
Цветок неприхотливой повилики.

Дыханье ловит розовый раструб
Легчайшего живого граммофона,
И как глухонемой, читает с губ,
И приникает стеблем невесомым...

Ах, повилика, странная трава!
Как вид её в моем доме уместен!
Она — как я. Она пока жива.
Она жива, как я — пока мы вместе.

Обыкновенные дела —
Такое кружево сплела,
Что кружевное покрывало
Ущербность истины скрывало.
Обыкновенные дела —
Кольцо из меди отлила,
И так его полировала —
До благородного металла.
Обыкновенные дела —
Утешив, сказка солгала.
На вечер боль заговорила,
А к ночи, крадучись, ушла.
Куда звала?
Зачем была?
Обыкновенные дела...

Каким подарком стал бы этот быт,
Мытьё посуды и изгнанье пыли!
Как вещи бы нам радостно служили,
А домовой был мудр и домовит!

Но трудно научались мы прощать,
И в юности своей немилосердной
Не знали, что дарить и отдавать
Куда важнее нетерпенья сердца.

Закат

Рисунком тонкого письма.
Очерченным мгновеньем
в стекло прикрытого окна
глядела сумеречно тьма —
пока ещё полутона,
её предвосхищенье.
Ещё вздымали ветви ввысь
молитвенные сосны,
а облака уже зажглись,
по краю алым налились,
уже берёзы занялись
закатом светоносным.
Как будто светлые персты
тянулись вдоль пространства,
чтоб ощутить его черты
в часы прекрасной наготы,
чтобы запомнить — это ты,
покой и постоянство.
Казалось, не наступит мгла,
свет ясен без усилья.
За гранью тонкого стекла
душа прямилась и росла,
и из тоски, как из чехла,
высвобождала крылья.

Сиреневый куст

Сиреневый куст ещё чёрен и гол,
Но снег ноздреватый под ним исчезает.
Зимою удача от нас ускользает,
А летом кладет самобранку на стол.

Там яблоки светом горят изнутри,
И духом малинным исходит лукошко,
И цвет земляничный у стёкол в окошке,
И сок земляничный в полоске зари.

Ты зимний, как этот сиреневый куст,
Как снег на ветру ты колюч и рассеян.
По-прежнему хмур твой сиреневый север,
А я всё надеюсь, что лета дождусь.

Прозрачной, пасмурной, жемчужною,
С туманным выдохом тепла,
Опять, минувший мой, мой суженый,
Неслышно осень подошла.

Блестит подмёрзнувшими лужами,
Считает листья на ветру..
Опять, минувший мой, мой суженый,
Души своей не соберу.

Всё б ей, упрямой и простуженной,
Бродить у осени в плену,
И называть тебя — мой суженый! —
И в грош не ставить седину.

Старые письма

Сегодня речь идёт не о любви.
Скорей — о человеческой приязни.
И письма пожелтевшие твои
Уже читаю без былой боязни.

А было — эти лёгкие листы
И почерк нервный — сердце обжигали.
И маленькие боги с высоты,
Смеясь, тугие луки напрягали.

А нынче здесь иные божества
Уютно уютились у камина —
Часы заводят, шевелят дрова
И верно служат мудрой Мнемозине.

Но вот — коснусь исписанных листков —
И замолчу, и затаюсь бессонно...
И светит мне из вереницы слов
Души минувшей пламень потаённый.

Любовь ушла. Но шлейф её пурпурный
Ещё влачится по снегу, по льду...
Что ей разлуки, трауры и урны?
Что годы ей? И то, что я иду,
Ещё иду за ней, непостижимой,
Ещё живу, её теплом дыша...
Ещё пою... И что снега и зимы,
Когда души касается душа?..

Пора перестать суетиться
 И тихо и мирно сесть.
 А сердце — куда его деть?
 Того и гляди достучится
 До старой знакомой беды,
 И в омуте тихой воды
 Неладное может случиться...

А впрочем, не будем горды,
 Но будем мудры и нелживы —
 Не сердцем единым мы живы,
 И может, нет в этом беды.

У жизни, мгновенной и длинной —
 Трудов, и долгов, и забот!
 Но вот — высочайший отсчёт —
 И выдохнешь — сердцем единым!..

Моя бессонная печаль
 Стареть за мной не поспевает,
 И вновь меня одолевает —
 Вот отчего моя печаль.

Мою бессонную печаль
 Ты по глазам моим читаешь
 И не понять предпочитаешь —
 Вот отчего моя печаль.

Моя бессонная печаль
 Из года в год не убывает.
 Мне говорят — так не бывает!
 Бывает. Вот о чем печаль...

Пчела

Вам есть за кого молиться,
И я не из их числа.
Когда же устанет биться
Влетевшая в дом пчела?

Как зелено там, снаружи,
Как ласково и тепло!
И вьётся она, и кружит,
И снова летит в стекло.

Невидимая преграда,
Неодолимая твердь...
Окно отворить — и радость!
И дай ей Господь лететь!

Вам есть за кого молиться,
И я не из их числа.
День к вечеру. Вам приснится
Влетевшая в дом пчела...

«В одну реку нельзя войти дважды».
Гераклит Эфесский

Деревья клонятся нагие —
Совсем как много лет назад.
Холодный ветер ностальгии
Сегодня выступил твой сад.

И ты припоминаешь числа
Из давних взлётов и глубин,
Где были сущностью и смыслом
Лишь я одна, лишь ты один.

Ты прикасаешься к смартфону
И говоришь, что тёмен сад...
А мне слышны свирель и звоны —
Совсем как много лет назад.

И у реки одной и той же
С её молочной волной
Стоим, не становясь моложе,
Но той же сущностью одной.

А всё-таки тогда *она* была!
 Большое видится на расстояньи...
 Смешалось наше тёплое дыханье
 Со свежим ветром от её крыла.

Два паруса, две чайки, два венка —
 Всё явственней теперь воспоминанье
 Из дальнего, как вечность, далека...
 Большое видится на расстояньи.

Да, без сомненья, то она была!
 Так близко — наших душ почти касаясь...
 И сколько лет, печалась и спасаясь —
 За ней, за ветром от её крыла!..

Не пишем писем.
 Запираем двери.
 С опаской пробегаем темноту.
 Врагам скорее, чем друзьям,
 поверим.

Словами населяем немоту.
 Родства не помним.
 Чай не пьём с соседом.
 Не различим, что храм, что суета...

А жизнь — возможна.
 Тихая беседа.
 Да детский смех.
 Да милые уста.

Счастье

Я была с ним знакома.
 Недолго, да не понаслышке.
 В его ясные очи
 не раз, замирая, глядела.
 И если сегодня
 кажусь я счастливой не слишком —
 Всё оттого,
 что в копилку собрать не сумела.
 Всё оттого,
 что всегда даровала свободу
 Белым его,
 перелётным, нечаянным птицам...
 В воду совалась,
 не вызнав надежного броду.
 И приходилось тонуть,
 и тянуло топиться.
 Часто дарила,
 но чаще всего расточала —
 И не скопила
 ни к чёрному дню, ни на старость.
 Но доведись мне
 вернуться к истоку, к началу —
 Я б ни с одною
 из этих потерь не рассталась.

Нет, обещая рай земной,
 Любовь не солгала ни словом!
 Есть под её небесным кровом
 И рай, и ад, и снег, и зной.

Дворца блистательный приют
 И шалаша очаг укромный...
 Мир отделённый и огромный
 И смех, и плач, и боль, и труд.

Что драгоценней, что нужней
 Любви утраченных иллюзий?
 И живы мы, пока мы любим,
 Иль помним и скорбим о ней.

Мне кажется, что ты меня любил.
Пусть не меня, но ту, что сочиняла
Другую жизнь, а этой изменяла
С бумагой, ручкой, с каплями чернил.

Тогда мы жили трудно, но светло.
А ручки, помню, были перьевые.
Чернильные, они почти живые!..
Мне их хотелось называть «стило».

Всю ночь с тобой была моя тетрадь.
Не я, всего лишь голос мой, но всё же...
Так это было на любовь похоже!
Так жаль, что не успел о ней сказать...

Времена года

Деревья

Деревья, примите меня в свою стаю!
Деревья, во сне я ведь тоже летаю.
Как вы, отрываясь с листвой от земли,
В которую всем существом проросли.

Деревья, у вас терпеливые души.
Внимать вам и шелест, как музыку, слушать,
К шершавой коре прижимаясь щекой,
Вдохнуть вашу мудрость, печаль и покой.

Деревья, сомкните шумящие кроны,
Укройте всех нас, неразумных, зелёных,
Пока ещё к вашим корням не ушли.
Пока есть деревья у нашей земли...

Тот, кто неведом, всемогущ и благ,
Заметил зябкость позднего апреля
И сиротливость слякоти и прели,
И то, что тополь слишком долго наг.

Что снег сошел, а город после сна,
Как женщина, нахмурен и не прибран,
И божью многоцветную палитру
Еще совсем не тронула весна.

И расплескалось мягкое тепло
К земле продрогшей родственно прильнуло,
И искоркой бесценною блеснуло
В траве пожухлой битое стекло.

И вот уже, вздохнувши, как дитя,
Всё сущее вокруг зазеленело,
И вот уже взялось вершиться дело
Благого устройства житья.

Из каждой щели тянется побег,
Скрипят повсюду дачные калитки...
...Так нам дана ещё одна попытка
Жить, называясь словом — человек.

Помилуй Бог, как зябко и тревожно
на солнечной, на тающей земле
весенней — обнажённой, непригожей,
изрытым снегом, сырým бездорожьем
измученной! Как неприятны птицы
в сплетенье веток голого каштана!..

И всё же — солнце! Белое руно
пушистых облаков! И — синева!
Такая синева!..
Глядишь — и явится тебе апрель-подросток.
Ещё один... И, может быть, ещё...

Эта светлая капель,
 Ослепительные лужи...
 Теплотой обезоружив,
 Приближается апрель,
 Льда изъедено стекло,
 Всё — предтеча, провиденье...
 Человечностью прощенья
 Приближается тепло.
 Небо чистое без дна,
 Клейких листьев сотворенье...
 Чистотой благодаренья
 Приближается весна.
 Всею жизнью отдарю
 За спасение от стужи.
 Даже если дар не нужен,
 Всё равно — благодарю.
 Эта ранняя капель —
 Будто связи с миром сущим.
 В наших душах неимущих
 Пробуждается апрель.

Первое апреля

Ещё и травы не пробились к свету,
 И грязный снег истаял не везде,
 Но увертюра к молодому лету
 Уже звучит в серебряном дожде.

Уже нас обнадёжил куст набухший,
 Что скоро его веткам зеленеть...
 И вот уж наши зябнущие души
 Опять готовы жить, любить, звенеть!..

Снег в апреле

Земля опять в снегах. Испуганный апрель
Сосульками повис, покрылся гололёдом.
А ведь еще вчера весёлая капель
Вызванивала трель, и голубиным сводом
Сияли небеса. Но снежная постель,
Легчайшая, легла. И не спешит природа
Расстаться с красками морозной белизны...
Но всё длиннее день. А ночь перед уходом
Прозрачна и светла, как лепесток весны.

От тёплого дождя
Взахлёб смеются лужи,
И окна светятся,
И город стал добрей.
А в городе таком
Кому-то кто-то нужен,
Немедля и всегда —
Кому-то кто-то нужен,
Затем, чтобы вдвоём
Бежать по светлым лужам,
От тёплого дождя
Друг к другу став добрей.
На мокрых деревьях
Дробятся солнца блики,
Автомобили вброд
Влекутся по шоссе.
И дарит доброту
Кому-то кто-то близкий,
И доброту в ответ —
Кому-то кто-то близкий,
Вдвоём, рука в руке,
Вдоль мокрого шоссе...

Птицы

Как оказалось, существуют птицы.
Во множестве.
В деревьях полуголых
они уже опробовали голос,
вовсю листая нотные страницы.

И рассыпают посвисты, рулады,
мелодии божественной свирели...
И верит сердце, бывшее еде,
что всё на свете будет так, как надо:
последуют и осени, и зимы,
и долгим будет царственное лето...

И если птицам очевидно это,
как не поверить им, летящим мимо?

Лето

И каждый день так много значит.
Черничник ягоду упрячет,
И стрекоза свой хищный лёт
Направит и перечеркнёт
Тропу, бегущую в траве.
И в малахитовой листве
Вязанье пряжи паутиной
Блеснёт в тени полудня длинной...
И медленно уйдёт Сегодня
Согласно промыслу Господню

В Крыму

А вышло — так июльский Крым богат
Сокровищами ласкового взморья,
Что тяготы усталости и горя
Здесь незначительней и легче во сто крат.

Среди неторопливой синевы
Так благодатно было очутиться
Мне, слабой северянке бледнолицей,
Привыкшей к деловитости Москвы.

О, если бы... Но праздник истекал.
И так во всём природа потакала
Уставшим от бетона и металла,
Как нам ещё никто не потакал.

И всё же — если бы... Но на исходе дня
Желанно промедление и жалко.
Бесценным яхонтом блеснёт простая галька
Когда-нибудь в ладони у меня...

Крым

Там воздух был, наполненный, как чаша
Вина, дрожащего у кромки хрусталя.
За горизонтом горбилась земля
Не менее прекрасная, чем наша,
Зелёным распростёртая руном,
Что прежде было океанским дном.

Там было море — россыпь серебра,
Живое и поющее создание.
Как музыка, звучало мирозданье,
И не было ни завтра, ни вчера.

Там замок был — над морем, на холме,
Опаловый, седой, жемчужно-серый,
Между земной и меж небесной сферой,
В оправе стен, терявшихся во тьме.

В нём жили львы — у мавританских врат
Из мрамора изваянные стражи.
И шум прибоя доносился с пляжа,
И сказочных растений аромат.

И это пиршество, и щедрость через край,
Весь мир, блистающий для нас и перед нами,
Всё было — юность, обречённый рай,
И смуглый бог с оленьими глазами...

У моря

Здесь в солнечный праздник
легко обращаются будни.
Сиятельный день не стремится
погаснуть и спать.
И море блистает и ластится к небу, и будто
задумалось время и тихо отправилось вспять.
Сегодня, возможно,
всего лишь немного за сорок,
а завтра — за тридцать,
а там — там от силы каких-то три дня —
на узкой тропинке,
петляющей медленно в гору,
ты слушаешь море
и ждёшь, как обычно, меня.

Цикад оркестр неутомимый,
До ярких звезд — рукой подать.
Земная твердь неразличима.
Невидима морская гладь.
Роняя бисеринки эха,
В камнях, где прячется скамья,
Качнулся колокольчик смеха,
Плеснула музыки струя.
Медовый воздух и смолистый,
Тьма бархатиста и густа...
И помыслы светлы и чисты,
И полнит душу красота.

Всё тише, серебристей, некрасивей...
А сердце всё наивней, всё счастливей!
Ведь так листва зелёная обильна,
Так падают дожди светло и сильно,
Так длинен день в июльском упоенье,
Что совпадает он с сердцебиеньем.

Угасает чувственный июль,
Редкостный красавец и транжира,
Оставляя ощущение мира,
Будто древний заговор от пуль.
Ничего, что силы колдовства,
Вероятно, хватит ненадолго —
Две в стогу затерянных иголки,
Мы сплести успеем кружева.
Благо, зелен пышный окоём,
Ясен день, а небеса так сини...
У судьбы на самой середине
Помолчим, подумаем вдвоём.

Жаркий август

Земля — как холст в морщинах кракелюр.
Сиена, умбра, уголь, терракота...
Размытый ветром дымный контражур.
Великой сухью нас карает кто-то.

И есть, за что, и грешен этот свет,
И человек — наипервейший грешник!
Но, Боже правый, подари рассвет,
Где чистый дождь и вымокший орешник!..

Дождь в августе

Какое счастье — дождь!
Меж небом и землёй
Блестящей нитью жаркий воздух вышит.
И всё, что утром было дымной мглой,
Светлеет и живую влагой дышит.
Столпотворенье, плеск и суета,
Весёлый зов к побегу и участию!
Скорей туда, без тувель и зонта!
Дождь в знойном августе — какое счастье!..

Баллада о розе

Сосуд, причудливый, как бред,
Как сон хмельного стеклодува,
Ещё хранил янтарный свет
Далёких гор, лозы и дуба.

Обвитый лентой золотой,
Тиснёной пробкой опечатан,
Опустошён он был когда-то
И все же полон пустотой.

И вот в жилище винных грёз
Достойная явилась гостья —
Особа царственного роста,
Династии пурпурных роз.

Даритель не предполагал,
Как дар уместен и изыскан,
И дух поэзии и риска
В багряной розе сочетал.

Четвёртый день пошел вчера —
Она пылает горделиво,
Балуя случаем счастливым,
Свежа, прекрасна и щедра.

И уверяюсь я вполне,
Что лето есть и длиться будет.
Цветок в причудливом сосуде
Благоухает на окне...

Когда минует лето по законам,
Не нами утверждённым на земле,
И осени багряную корону
Заменит снег, а вьюга в феврале
Начнёт свои тоскливые стенанья —
Не говори, что скверно мирозданье,
А вспомни лес, душистый и грибной,
И дальний пруд, и благодатный зной —
Пейзажи размышленья и досуга,
Целебные, как утешенье друга.

У осени палитра наготове,
Сухая кисть уже занесена.
И летняя зелёная страна —
Ещё чуть-чуть — замрёт на полуслове.
Стихают сонмы птичьих голосов.
И в странной незаконченности лета
Уже видны осенние приметы
Темнеющего золота лесов.

Как позднее признание —
Печаль и простота —
Прохладное касание
Осеннего листа.

Слова непрозвучавшие
Становятся легки.
Прощанием горячее
Дыханье у щеки.

И нежность обречённая
Желтеющей травы...
Всё — осень золочёная,
Холодная, как вы...

По кленовому золоту листьев,
Горьковатой прохладой дыша,
Что ты бродишь устало, что ищешь
И чего ты взыскуешь, душа?

Нет в отчизне ни складу, ни ладу,
Море боли и капли тепла...
Утешайся же поздней отрадой,
Посмотри — это осень сошла!

Ненадолго её гостеванье,
Завтра лягут снега и снега...
И горька она, как расставанье,
Как короткая жизнь, дорога!

Златая пятипалая листва,
И вы, осин осенние монеты,
Как ни моли, а песня ваша спета —
У книги года — зимняя глава.
Вот-вот падут белейшие снега,
Вас проутюжат лыжи и полозья...
Как всё бело. Как ясно и бесслёзно
Блестит сосульки светлая серьга.
А ты бы смог согреть и растопить,
И изменить времён круговращенье.
Всего-то надо — попросить прощенья.
Всего-то надо — просто полюбить...

Осень — золото на синем.
 Первый иней на стерне.
 Всё труднее нам осилить
 Подступ к завтрашней зиме.

Так пронзительно и голо
 В небе, в поле и в душе.
 И вползает звонкий холод
 В стены рая в шалаше.

И светло... Куда светлее,
 Чем за пышною листвою.
 И всё дальше, всё милее
 Заповедный голос твой.

Осень

Между сосен,
 между елей,
 между лип
 ходит осень, рассыпая палый лист.
 Зябко кутаясь в предутреннюю мглу,
 чертит дождиком холодным по стеклу.

Выпускает из котомки птичий грай.
 Утешает листопадом сырый край.
 Вот уже почти пуста её сума,
 и след в след за нею шествует зима.

Осина

Выше быть, чем гордая сосна,
Не пристало трепетной осине.
Но, о том не ведая, она
Всё тянулась к недоступной сини.

Всё тянулась — кроной и стволом —
И, дрожа от корня до вершины,
Всё молила небо о своём —
Может быть, о ней — пра-пра-осине.

И когда её последний лист
Улетел в осенние пределы,
Тучи на мгновенье разошлись,
И земля как будто потеплела...

Октябрь

И вязну я, как муха в янтаре,
В печальных мыслях, октябрю подобных.
Каким ещё быть мыслям в октябре?
А между тем октябрь был бесподобным!

Он золотист был, зелен и багров.
В прожилках чёрных веток облетевших,
Он был хорош! Как музыка без слов.
Как упоенье звуком птицы певчей.

И мне бы так, как нынешней поре,
Допеть и допылать, докрасоваться...
Но смертному с бессмертным не тягаться.
И вязну я, как муха в янтаре.

От осенней листвы горяча,
Одинокой березы свеча
Догорала.

Осень бисером серых дождей
Силуэты домов и людей
Вышивала.

На её золотую парчу
Ветры свили тугую камчу.
Холодало.

Низких туч улеглась кутерьма.
А в затылок дышала зима.
И молчала.

Словно вечность смотрела в лицо...
Только рук твоих теплых кольцо
Охраняло.

По листьям, осенью усохшим,
По серым дням, в дождях усопшим,
Вздыхаем, вспоминаем, ропщем...
А между тем, заря чиста,
Над тучей — россыпь звездопада.
И кисть рябины у ограды
Живым багрянцем налита.

Должно быть, осень — та межа,
Та грань, та точка временная,
Когда беспечная душа
Осознает реальность края.

Ещё небес голубизна
Полна полуденного зноя,
Но паутиная струна
Уже искрится меж листвою.

Ещё, от яблок тяжелы,
Сады благоухают летом,
Но пенной чашей сизой мглы
Лежит туман перед рассветом.

И источает тихий свет
Лик на иконе Всех Скорбящих...
И грусти нет, и смерти нет
В час осени плодоносящей.

Камин

Во времена осенних именин,
Скупых на солнце, ждущих отопленья,
Когда бледнеют лица и растенья, —
Привет тебе, мой маленький камин!

Привет тебе, уютный домовый,
Шуршащий в углях, шарящий в поленьях,
Являющий бесхитростное рвеньё
Разжечь огонь весёлый и живой!

Как без твоих заботливых трудов
Сырой октябрь простужен и несносен!
Как хмуро ждёт докучливая осень
Нашествия декабрьских холодов!

Поторопись же оживить огнем
Пустыню стен и тесноту предметов!
Быть может, если души обогреты —
Перезимуем всё. Переживем!..

Октябрю

Я люблю этот месяц озябший,
Эту грусть листопадных дождей,
Эти листья, что за руки взявшись,
Укрывают асфальт площадей.
Свет раздумья и тихой печали,
Затаённый рембрандтовский свет...
Всё — любовь, у которой начала
И конца, как у родины, нет.

Поздняя осень

Время поздней поры листопада,
Обнажённость каштанов и лип.
Допущенье нескромного взгляда
На ветвей беззащитных изгиб.

Стылый ветер, дожди, межсезонье,
Убыль дня, прирастание тьмы...
Чёрной тушью на охряном фоне
Кружевной иероглиф зимы.

Ноябрь

Седая по утрам трава,
Еще зелёная по сути,
И день в осеннем неуюте
Угас, означенный едва.

Бледна туманная заря,
И лист опавший на асфальте
Глядится золотою смальтой
На мокрой фреске ноября.

Зима является впотьмах,
Скользит бесшумным шагом лисьим,
И цепенеют лужи, листья,
И стыннут слёзы на щеках.

Но днем ещё светло, как днем,
И кажется — зима не близко...
И лист на фреске византийской
Сияет золотым огнем.

Уже зима хрустит ледком,
Уже толпа топорщит шубы,
И ветер горьким сквозняком
Летит, обветривая губы.

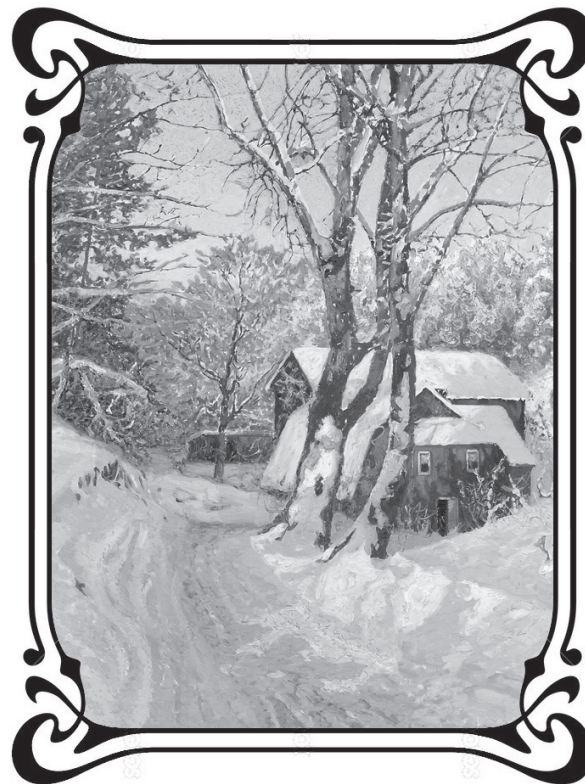
А всё осенний березняк
Стоит в одеждах златотканых.
И слов не забелить никак
Не сказанных и несказанных.

Зимнее

День всё короче и короче,
Уже как воробьиный скок.
И снег накатан и упрочен
На долгий срок.

Зима большой совой полярной
Кружит у ветра в поводу.
И пешеход неблагодарный
Скользит на льду.

И в тяжком коконе одежды
От холода едва дыша,
Живёт и греется надеждой
Его душа.

Едва морозец застеклил асфальт,
Как снова оттепель, и под ногой скользящей
Слезливый лёд. И снегопада жаль.
И жаль старух с их шагом семенящим,
С провизией в авоське и с клюкой,
С их жизнью хрупкой в равновесье зыбком...

И лишь дитя весь этот непокой
Вдруг озарит бестрепетной улыбкой!..

Гог Змеи

Косые снега умирают, едва
Асфальта коснутся.
Уснуть в ноябре, как трава-мурава,
А в мае — проснуться.

И сбросить печаль, как бросает змея
Отжившую кожу.
И стать, как она, на меже бытия
Мудрей и моложе.

И знать, что нескоро мерцающий снег
Асфальта коснётся,
Что годом Змеи начинается век,
Что счастье вернётся.

Снегопаг

Успокоительно тиха
Его несуетность, неспешность.
Всё очищая от греха,
Слетает белая безгрешность.

Как равно им одарены
Деревья, люди и ограды,
Все, кто виновен без вины,
Все, недостойные награды.

Который день, который год —
Прохладное прикосновенье —
И упоительный полёт,
И неизбежное паденье...

Снег упал

Снег упал.
След пропал.
Снег к окошку приникал.
Как нечаянный попутчик,
В жизнь нескладную вникал.

Слушал.
Душу ворошил.
С осуждением не спешил.
И не то, чтобы утешил —
Просто всё припрошил.

На душе белым-бело.
Слава Богу, всё прошло.
Слава Богу, не до счастья —
Лишь бы горе замело.

Нескучный сад

Как хороша зима в Нескучном!
 Вся в белом, бальном...
 Деревьев белые созвучия
 В цвету
 хрустальном.

И кто-то ласковый и нежный
 Сквозь шепот вьюги
 Зовёт здесь Королевой Снежной
 Свою
 подругу.

А днём набегами ребячьими
 Зима измята.
 И бродит поступью незрячею
 Моя
 утрата.

Как хороша зима в Нескучном —
 Вся в белом, бальном...
 Но без тебя в Нескучном скучно,
 До слёз
 печально.

Зима

Кукушка в ходиках стенных
 Дробила тишину пустую,
 Вещая истину простую,
 Что наше счастье в нас самих.

Из кухни доносился чад,
 Соседи звякали посудой...
 В бесплотность выдумки и чуда
 Ушёл ваш неотрывный взгляд.

И свет из низкого окна,
 В снегу почти до половины,
 Лежал на кирпичях камина
 Румянцем слабого пятна.

И так был мир опустошён
 Слепым нашествием разлуки,
 Что в этой гибельной разрухе
 Оцепенели явь и сон.

И долго-долго со стены
 Душе кукушка толковала,
 Что жизнь ещё не миновала,
 А лишь застыла до весны.

Огромн сумрак и текуч,
И пахнет сыростью и ночью.
Дом заперт изнутри, а ключ
Оставлен в скважине замочной.

Мой друг докучливый и враг,
Всегда подверженный горячке,
Нем телефонный аппарат,
Оцепеневший в зимней спячке.

И вещи жмутся по углам,
И канут в сумрак, как в берлогу.
Льёт дождь со снегом пополам.
Зима вот-вот. И слава Богу...

Первое декабря

С серебристого диска
стекал голосок серебристый.
От него хмурый день
стал совсем молодым и искристым.
И пока эта музыка
пташкой по дому летала —
просыпалась душа
и как будто в раю обитала.
Появлялись родные,
живущие в памяти лица..
Только б голосу петь,
только б музыке длиться и длиться!..
И серьёзный декабрь —
он как раз начинался сегодня —
расстарался теплом
и такую красую Господней,
что коротенький день
не сменялся, как водится, ночью..
Кто сказал, что чудес
не случается здесь и воочью?

Украшение ёлки

Новогодние речи, ритуальные действия...
 Устремленье души
 к возрождению детства.
 Возвращение чуда,
 его приближенье,
 Устоявшихся истин
 опроверженье...
 Эта гордая хвоя неотразима,
 Будто детская вера,
 что всеми любима.
 Как легко принимаю
 в любви уверенья,
 Уронив
 золотого дождя оперенье...
 Новогодняя быль —
 и не быль, а былинка:
 Запах гаснущих свеч да на платье хвоинка.
 Но успею обнять
 всех — и верных, и мнимых,
 И успею поверить, что кем-то любима...

Святки

Зима вошла. Она дышала паром.
 По-королевски куталась в снега.
 Над кружевным от инея бульваром
 Повесил месяц жёлтые рога.
 И, растворяя горести земные,
 Текла в окошко лунная река.
 А письмоноscopy были выходные.
 Для счастья не хватало пустяка...

Зимний вечер чуть слышно в окно постучал
Белой варежкой с синим узором,
Словно в гости, как старого друга, позвал
В тишину подмосковного бора.

Там серебряный воздух от хвои горчит,
Там свистят озорные синицы.
Там закатное солнце роняет лучи,
Будто перья огромной жар-птицы.

Там в сиреневый сумрак уходит лыжня,
Заколдована сказочной властью...
Там Снегуркой живой ожидает меня
То ли юность моя, то ли счастье.

Мне было б жаль оставить этот снег
И перехлест ветвей витиеватый.
У февраля я в детях виноватых —
Не оправдавших, не свершивших, не...

И поделом навязчивый вопрос:
Неужто больше не увижу снега?
Давно нет альфы и близка омега,
И не вчерне живётся, а всерьёз.

Не избежать того, что суждено.
Но снег идёт — и хорошеет город...
Даст Бог, ещё проснёмся в эту пору
И будем с ней и снегом заодно.

Бессонница

Лермонтову

«Люблю отчизну я...»
М.Ю. Лермонтов

Под взглядом его сумрачных очей
С холста хрестоматийного портрета
Подумалось — уж лучше быть ничьей,
Чем юною возлюбленной поэта,

Чей дар был тёмным пламенем страстей
И гордости сродни греху гордыни,
И вольности, столь редкостной донине
Среди сословных правил и затей,

Чьи крылья уносили к небесам,
А разум знал сражение и тризну...
Кто так любил — за что, не знал и сам —
Свою многострадальную отчизну.

У Анатолия Зверева

Хаос красок, вихри линий,
Буйство линий и мазков!..
Он свободен, странный гений,
От канонов и оков.

Бесприютный ветер странствий,
Первозданный мрак и свет..
Он свидетель, гений странный,
Зарождения планет.

Жар космического горна
Опалил его холсты,
Пробудив живые зёрна
Вдохновенья и мечты.

Путник в космосе глубоко,
Смотрит в двадцать первый век
Странный гений одинокий —
Ясноглазый Человек.

У времени маниакальный бег.
Едва помедлив в свежести апреля,
Навёрстывает спринтерский успех,
Насчитывает, как часы, недели.

У краткости и скорости такой
Есть оправданье в красоте и силе.
Всё лучше, чем рутинною тоской
Наполнить долгий век Мафусаила.

Что ж, как кому.
Как метеор, сгореть
И ослепить мгновение, сгорая,
Или кого-то сердцем обогреть
И длиться, тёплым светом озаря...

Встречаясь в зеркале с собой,
Взгляд отвожу с привычной грустью.
Так город с гордою судьбой
Вдруг уступает захолустью.

Так медленно теряет свет
В старинной раме амальгама.
И чаще смотришь на портрет,
Где дочери моложе — мама...

Смеялась женщина.
Прибрежной гальки град...
По мрамору рассыпанные бусы...
Освобождённый ветром камнепад...
Созвучия и искуса, и вкуса...
Призыв, и отторжение, и вскрик..
Апофеоз чистейшего веселья...
То ль одиночества
 доныне тайный лик?
То ль молодости
 горькое похмелье?

Бессонница подругой закадычной
Вошла и примостилась до утра.
Пусть не любовь, но старая привычка,
В которой меньше худа, чем добра.

Темны глаза у дома, что напротив,
И до рассвета долгие часы..
И занят разум тщетною заботой
Жизнь положить на божии весы.

Что хорошо, что страшно и греховно
И есть ли время что-то искупить..
Заря сочится золотом, и словно
Всё тоньше Богородицына нить.

Ночь

Ночью, в настое густой темноты,
Налитой в соты ячеек бетонных,
Тихих, согретых дыханием сонным,
Между шкафов и проёмов оконных
Сказки витают и зреют мечты.

По потаённым щелям и углам
Прячутся тени и смутные страхи,
Кто-то невидимый в белой рубахе
Креслом скрипит, и пугливые птахи
Бьются о стёкла прозрачным крылом.

Ночью, в настое густой темноты,
Между теней голубых и лиловых
Ангел стоит у тебя в изголовье,
И, согреваясь теплом и любовью,
Дети растут и алеют цветы.

Жить, как вчера, уже нельзя.
Душа пугается, скользя,
Летит куда-то под уклон...
А день в объятья заключён
Метели, таяния, льда.
Как пережить нам холода
И не растаять в летний зной
В избушке нашей ледяной?

Песочные часы

Старинных суеверий власть
Молчала в юности безбожной,
И вдруг возникла — и взялась
Внушать душе неосторожной

Неспешный шаг, тревожный вид
И неприязнь к котам бездомным,
Чьё появление грозит
Как будто бедствием огромным...

А между тем одна беда,
Чей очевиден всем источник —
В клепсидре капает вода.
Течёт песок в часах песочных.

Дом Жилярди

Высоко, теснясь по краю крыши,
Вдоль старинной ветхой колоннады
Нависают холодно и пышно
Льдинки, льдины, льды и ледопады.

Зубья зим, замёрзнувшие звоны,
Завтрашние капли и потоки...
Всею кожей облупившейся колонны
Чует дом назначенные сроки.

Распыляя плесень двух столетий,
Рухнут рёбра проржавевшей кровли...
Старый дом, кто за тебя в ответе
В час, когда весна у изголовья?..

Покинутый дом

Молчанье сирого сиротства.
Крапива, пижма, лопухи...
Тому, кто предал первородство,
Ещё припомнятся грехи.

Мох, зеленеющий на крыше.
Забитых окон слепота...
И всё же дом чуть слышно дышит,
Как дышит церковь без креста.

И яблоня, к нему припавши,
Беды не в силах превозмочь,
Как женщина на поле павших,
Ещё пытается помочь.

*«Любите меня,
пока я жива...»*

Вера Матвеева

Это время потерь,
Это время глухое —
Не оплакать и не отмолить.
На закатной поре
Порыжевшая хвоя
Устиляет дорожки у плит.

Это время покинутых, осиротевших.
Дай нам Бог уцелеть, устоять!
Сходит всадник с коня
И становится пешим,
И ненужной становится кладь.

Это время-попынь,
Это чаша цикуты,
Пронесённая мимо лица...
Это время любить до последней секунды
Пока живы — любить до конца.

В больнице

Тихонько покидаю эту немочь,
Замедленность движений, тяжесть сна...
Как долго были мы унижены и немые,
И как зима была уныла и пресна!

И эти стены бледно-жёлтой краски,
И белых коек тесноватый ряд...
Но за окошком — некая завязка,
И будто чей-то посторонний взгляд.

Взбесилось солнце за двойною рамой!
Деревья в тайной дрожи напряглись...
И самым сущим, сокровенным самым
Мне хочется тебе поклясться, жизнь!

Я буду, жизнь! Я буду непременно!
Частица необъятности твоей,
Как ветка, оживаю постепенно
И приобщаюсь к празднику ветвей.

И к празднику друзей, и к будням дела,
К труду — полоть разлучную траву...
Весна и жизнь! — Спасибо! Я живу!
И кажется, душа не обмелела...

Кричит электричка в ночной неуют,
Уносит с собою пейзаж законный.
И вот — по своим зазеркальным законам
Алхимия-память берётся за труд.

Из слёз и ошибок, из малых побед,
Из кротких ромашек и сумрачных елей
Она сочиняет волшебное зелье
В фарфоровом тигле отчитанных лет.

Тяжёлых обид расплавляет свинец
И в дым обращает пустую породу,
У края судьбы возвращая свободу
Червонному золоту наших сердец.

Неспешный рассвет проступил в темноте
Основой грядущего дня на холсте —
И розовым, нежным окрасилась кисть,
Рождая Сегодня, как новую жизнь.

А в жизни, какой бы она ни была,
Отыщется остров добра и тепла,
Пустым и холодным не будет жильё,
Лишь только светилось бы сердце твоё.

И будет всё — пылающий камин,
 Живой огонь за кованой решёткой,
 И вкус вина, и серебро седин,
 И голос памяти — то горький, а то кроткий...
 И будем мы — такими же, как там,
 В безумной юности, восторженной и нищей,
 И мы поймём, как годы лгали нам,
 Внушая, что живём на пепелище.
 И вечер будет длиться без конца.
 Камин к полуночи сильнее разгорится...
 И наши утомлённые сердца,
 Как прежде, будут трепетать и биться.
 И предадим мы таинству огня
 Всё то, что нас друг с другом разлучало,
 Чтоб утром, в пору зарожденья дня,
 И этот день, и жизнь начать сначала!..

Ю—ю

Ю.С.

Губы сложены, как для свиста
 В соловьином лесном краю.
 Как дыхание у флейтиста,
 Мелодичное что-то —
 Ю-ю...

Запах липы в усадебном парке...
 Это в детстве или в раю?..
 Ещё нить не иссякла у парки,
 Ещё слышится нежно —
 Ю-ю...

Вспоминаю я или колдую,
 Или просто тихонько пою...
 Губы сложены для поцелуя —
 Ю-ю...

Живу под знаком Водолея,
Травинку каждую жалея,
Любуясь ею, чуть дыша...
Чего тебе ещё, душа?

Дождь муравьиною тропой —
Короткий, солнечный, слепой —
И детский голос родника
Звучат — живи! — Живу пока!..

Слово

Семёну Сорину

Стареющая колокольня —
 А всё тонка да высока.
 Так неожиданно и больно
 Войдёт щемящая строка.
 Усталый взгляд печальной птицы
 Из неких отдалённых сфер
 И невозможность приземлиться
 В свой комфортабельный вольер.
 Осенних сумерек невзрачность.
 Сквозные перья-облака.
 Высокой звонницы прозрачность
 И журавлиная тоска.

Прибежище и труд стихотворенья —
 Бессонная тревога и бальзам,
 Присущие несчитанным часам
 Ночного утомительного бденья.

Надолго затянувшаяся корь,
 Стихи давно пересекли границы,
 И вот они — то лёгкая жар-птица,
 То в детстве не долеченная хворь.

Ни здравый смысл, ни посторонний взгляд,
 Ни сухость дальновидного расчёта
 Не исцелят болезни и полёта,
 И лишь к бессоннице стихи благоволят.

Не задаваясь целью и ценой,
 И сроком своего благоволенья,
 Пока живу — во мне и надо мной
 Прибежище и труд стихотворенья.

Да, верно, всё повтор, всё перепев!
Десяток гениев и сонмы графоманов
Ткут сеть своих божественных обманов,
По-разному в искусстве преуспев.

Всего-то буквы, лёгкий птичий след
На бересте, папирусе, бумаге...
Но вот — сливаются в таинственные знаки
И проливают темень или свет.

Каким бы слабым ни было перо
И пишущий не слышен и не виден,
Он всё же соучастник, очевидец,
А то и неожиданный пророк.

И графомана упоённый труд
В конечном счёте, стоит уваженья,
Поскольку есть престранные сближенья
У времени, творящего свой суд.

Входит осень в стихи,
как в давно обжитые покои,
плащ повесив у входа
и мокрые сняв башмаки,
и опавшей листвой
осыпает строку за строкою,
отправляя к зиме
провожающим взмахом руки.

Белый вязаный плат
у холодной зимы наготове,
и рукою подать
до её ледяной немоты.
Но сквозь мартовский снег
прорастёт моё тихое слово
и прольётся ручьём,
напив городские цветы.

Я стихов не пишу.
Я всего лишь картинку рисую.
И занятие это,
конечно, напрасно и все,
потому что на каждое
облако, вяз, подорожник
обязательно был
или есть настоящий художник!

А я всё же пытаюсь —
тихонько, мазок за мазком —
срисовать этот день
и оставить в строке целиком.

Песчинка-слово, спугнутое ветром,
Укрылось где-то меж твоих высот,
Поэзия, духовный заповедник,
Оставив пару маленьких пустот.

Так в паззле жизни остаются дыры
С отлётом тех, дарованных судьбой —
Друзей, врагов, соседей по квартире,
Одной дорогой спаянных с тобой.

И заживляешь тающие ткани,
Латаешь обветшавшие края
Простой молитвой, памятью, стихами
На сквозняках земного бытия.

Короткая песенка с кротким мотивом.
Коротенький день за уборкой и чтивом.
У зимнего солнца немного тепла.
Зачем же такую счастливой была?
Затем, что пока я без слов напевала,
По дому глагольная рифма порхала
И всё же, в конце-то концов, прижилась...
Так песенка эта на свет родилась.

Перед рассветом ярче сны,
Плотней медовая истома,
И в сотах дремлющего дома
До края мглы и тишины.

Привычный улей, старый дом,
Известный до последней щели,
Он узнаваем еле-еле,
Почти зловещ, едва знаком.

И лишь рассеивает мрак,
Мерцая сполохами света,
Окно бессонного поэта —
Парнаса маленький маяк.

Как я пишу? Да так, как я пишу —
То с грустью, то с отчаяньем, то с болью.
И потому на суд людской не выношу
Свой стих, чтоб раны не посыпать солью.

Я так пишу, как плачут по ночам,
Рыдания от всех в подушку пряча.
Пишу за тех, кто не напишет сам
Плохих стихов, а попросту заплачет..

Я так пишу, как осень настаёт,
А сердце одиноким остаётся...
Не плакавший — тот вряд ли их поймёт.
Не потерявший — вряд ли отзовется.

Рассвет

У предрассветной тишины
Глаза, как листья, зелены,
Свежо дыханье.

Душе не больше двадцати.
Бегом по Млечному пути —
И в Мирозданье!..

А там пролитая слеза —
Всего лишь светлая роса,
И день повсюду.

У предрассветной тишины
В стихи перетекают сны,
Подобно чуду...

Пока слагаются слова —
Душа жива.
Жива в житейской тесноте,
Где локти, плечи, лбы — не те,
Где зазевайся — быть беде,
Где узнают тебя едва..
И всё жива.
Пока зелёная трава.
Пока слагаются слова...

Все те, с кем было больно и крылато,
Глядящие сейчас издалека,
Вы так мне были дороги когда-то,
Что до сих пор оплавлена строка.

Хоть жизнь её вот-вот испепелится,
Как всё, что плоть и тлен,
Но слово о любви звучит и длится
И после нас, в эпоху перемен.

И к трезвым, будничным, не верующим в чудо,
Закованным в житейскую броню
Оно слетит, как благовест, оттуда,
Где я его на время схороню.

Шкатулка

В старой шкатулке теснятся листки.
 Всё недосуг разобраться...
 Здравому смыслу живут вопреки,
 В ящичке долгом пылятся.
 Сказочный короб, бесценный ларец,
 Жизни прошедшей архивы...
 Сколько раздумий и слёз, и сердец,
 Горестных дней и счастливых!

Новый хозяин бетонных хором,
 Глядя на скарб этот жалкий,
 Как бы он ни был хорош и умён,
 Вынесет мусор на свалку.
 Ветер взметнёт их над бывшим гнездом,
 Бросит в осеннюю слякоть...
 Я упаду полинявшим зонтом,
 Чтобы укрыть и оплакать.

Утром они улетят, наконец, —
 Боже, даруй им терпенье! —
 И соберутся в бесценный ларец
 Для неземного прочтения...

Во сне ли, наяву — в словесной мгле
 Блуждаю в тщетных поисках глагола.
 И так в душе беспамятно и голо,
 Как будто слов не знали на земле.

Одни лишь междометия влача,
 Бредёт сознание, жалуясь и плача,
 Забыв о том, что жизнь и есть удача,
 Счастливый случай с Божьего плеча.

Случайна жизнь, случаен слов недуг...
 Надолго ли — не мне Ему перечить!
 Но если непрерывен сердца стук,
 То не прервётся звук родимой речи.

Угомон

Молодые безумства сменил Угомон —
 Поседевший, задумчивый кроткий...
 Серый зонтик раскрыл и упрятал их в сон,
 Как июньские ночи, короткий.

И текучее время — сквозь пальцы в песок.
 И всё больше — ненужно и лишне.
 И шагреновой кожей сжимается срок,
 Отмеряемый волей Всевышней...

И желанья — брызги солёной волны
 На камнях — исчезают бесследно.
 И предательство тела — издержки войны
 За последний рубеж,
 за последний...

Одного лишь хочу, чтобы завтра, во мгле,
 Неизвестный, плывя в одиночку.
 Удержался и всё-таки выплыл к земле.
 Уцепившись за строчку,
 за строчку...

Белле Ахмадулиной

Твой сборник, чёрный глянец с серебром,
 Он благороден, как сосуд античный.
 Ажурный стих струится мелодично,
 Начертанный изысканным пером.

То будто флейты отдалённой трель,
 То вздох органа, мощный и печальный..
 Но более всего — виолончель,
 Твой лучший инструмент исповедальный.

Высоких слов причудливая вязь,
 Орнаменты тончайшей филигрании..
 И странная произрастает связь
 Меж музыкой, душою и стихами.

Чего здесь нет — так звука медных труб.
 Открою том с твоим лицом осенним —
 И нет ни лет, ни горькой складки губ..
 Лишь женщина, гармония и гений.

Белла

Ночное чтение, стих нерукотворный,
Избранник книжной полки в изголовье,
Несовременный, чистый и узорный
Высокий слог, рождаемый любовью!

Не зная, узнаю в летящей строчке
Поэта — жаворонка, бабочку, синицу,
Всё, что крылато, что цветку и почке
Присуще. Всё, что ввысь стремится
И, душу увлекая за собой,
Становится и жизнью, и судьбой.

Прощание

Белле Ахмадулиной

Сегодня не слышна виолончель,
И трепетная флейта онемела.
И жизни нашей скудная купель
Ещё одной потерей оскудела.

Не только музыки и таинства пера
Лишились обладающие слухом
И зрением, но таинства добра
Убавилось, как и любви, и духа.

Впервые ночью властвовал мороз.
Оконное стекло обледенело.
Пейзаж размыт от подступивших слёз.
Ушёл поэт. Земля осиротела.

Юнне Мориц

Дни — как века. А я доньше есть.
 И более того — лета неошутимы.
 Вернее, ошутимы не лета,
 А хворь досадная, усталость, суета
 И в зеркале отчетливом морщины.

А нынче — март, и солнце в облаках,
 В горшке цветочном буйное растенье...
 И буйное спешит стихотворенье,
 Что заплутало в пасмурных веках.

И явствует, что радостный мотив
 И правда, не напрасен в человеке.
 И тёплых луж торжественный разлив
 Прекрасен ныне, присно и вовеки!..

Боже правый, кому это нужно —
 Набирать то легко, то натужно
 По бумаге бегущие строчки?
 Вот каштан распускает листочки,
 Одуванчик в траве золотится —
 Всё для праздника-лета годится,
 Всё живёт, зеленеет и дышит.
 А душе всё неймётся, всё пишет,
 Всё пытается миг в этом мире
 Уместить на листе А-четыре

Часы

Мой дом жилищем многочасовым
был назван как-то гостем в одночасье.
Тогда был дом весёлым и живым,
и тёплым от нечаянного счастья.

И правда, обитали в нём часы,
во всех углах беседуя ритмично.
Для вящего порядка и красоты
творили время строго и привычно.

А после сбились с ритма, стали врать,
а то и вовсе тихо замирали...
Кукушка перестала куковать,
каминные безбожно отставали.

Меж ними, как меж гранями миров,
стояла жизнь, похожая на вечность.
Зима стелила скудный свой покров,
и осень простиралась в бесконечность.

Но стало утро. И большая ель
за окнами стряхнула снег с иголок,
и оказалось, что вокруг — апрель
и что к часам уже вернулся голос.

Взялась кукушка годы куковать,
одаривая щедро и без счёта...
А на столе пристроилась тетрадь
с вчерашней неоконченной работой.

Муза

Тяжёлый день, томительный и душный.
По жилам — крови медленный расплав.
Творец и в гневе справедлив и прав,
Карая зноем этот мир недужный.

А у неё — прохладные ладони,
И ткань одежд не увлажняет пот,
И поступь — словно бабочки полёт,
Явившейся со склонов Геликона.

Впорхнула, глянула — и такова была!
Лишь дом омыт божественной прохладой.
И большей драгоценности не надо,
Чем пёрышко из белого крыла.

Ищу я музыку другую —
оранжевую, золотую,
весёлую, как свист щегла.
О, если бы душа могла
взлететь, как маленькая птаха,
туда, где ни беды, ни страха,
но только ясность и покой
под грозной вечности рукой.

Всего лишь — чуткий к Слову слух
Да небольшой словарь.
Но поэтический недуг
Сегодня, как и встарь,
Владеет сердцем и душой
И пробует перо...
И жив словарик небольшой,
Где Веди и Добро.

Мои молодые стихи —
Влюблённости первой побеги,
Разлук леденящие снега,
Почти неземные грехи.

Героя наивной строки
В доспехи они облачали.
И были печальны печали,
И были слова высоки.

За годы мирской шелухи
Всё стало спокойней и глуше...
Но наши бессмертные души
Хранят молодые стихи.

Хочу быть деревом узорным
Потом, когда иссякнет плоть
И перейдёт в кору и корни,
А глубь ствола украсит борть,
И будет прилетать с добычей
Трудолюбивая пчела...
Немного с ней у нас различий —
И я такую же была.

МОЛИТВА

Хранитель мой, небесный поводырь,
Светящий мне фонариком пространства,
В одежке легкой, ношенной до дыр,
Давно лишённый пышного убранства!

Где ты, в какой космической глуши,
Печальник мой, моё носящий имя?
Как мне одной в предутренней тиши
Управиться с печальями своими?

Крылатый, отзовись, найдись, скажись,
Дай знак надежды и благоволенья!
И удержи трепещущую жизнь
На ниточке небесного спасенья!..

Прости меня, Боже, спаси и прости!
И волей Всевышней грехи отпусти
Хотя бы на этот апрельский денёк,
Что высох на солнце и снова промок,
И снова раскинул простор голубой,
Подаренный нам, постояльцам, Тобой..

И я опять надолго замолчу,
Десятки лет в горсти перебирая.
И не пойму, за что я пла́чу и плачу́
В преддверии то ада, а то рая.

Банальных истин праведная суть
Является, как ей пристало, поздно.
Успеть бы оглянуться и вздохнуть,
И восхититься тем, что небо звёздно.

И музыке в названиях имен —
Всех, кто любил,
 и всех, кого любили —
Внимать, забыв о горечи измен,
Благословляя лишь за то, что — были...

Быть может, этот тлеющий закат,
Обозначавший время на пределе,
Всего лишь начинает новый ряд
Вещей и сущностей, неведомых доселе.

Хотелось бы... Но солнце утекло,
Расплавившись, за край земли покатый...
А на душе так странно и светло,
Что прозреваешь счастье и утраты.

Продли, Господь, мне свет земного дня,
Чтобы успеть с долгами рассчитаться,
И чтоб душа, уставшая скитаться,
Пригrelась у спокойного огня.

Позволь любить того, кого люблю,
И замирать в волнении нелепом,
Когда за молоком или за хлебом
Он выбежит в палатку на углу.

Позволь проведать всех моих друзей —
И ближних, и махнувших за удачей...
Как оказалось, что-то это значит —
Обняться с другом юности своей.

Не допусти смятенья и войны,
Убереги от смертного недуга...
Чтоб наглядеться вдоволь друг на друга,
Продли, Господь, земные наши дни!..

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Ковальджи.</i> <i>Стихи на открытом сердце</i>	5
---	---

К ФЕВРАЛЮ

«И снова пережить февраль..»	9
«Весь божий день...»	10
Гололёд	11
«Поблекла, сменила цвет...»	12
К февралю	13
«Почти неизбежно прискорбно...»	14

СОРОКОВЫЕ

«Век детства, мой полузабытый дом...»	16
22 июня	17
Отчим	18
«В сороковых — тех самых, роковых!..»	19

ОТЕЧЕСТВО

Река	21
Смоленский собор	22
«Я говорю внимательным растениям...»	23
Братцево	24
Ротонда в Братцево	25
Селигер	26
Яблони	28
Красный Бор	29
Листопад	30

ПЕРЕДЕЛКИНО

Переделкино	32
Дом творчества. Переделкино, 2005	33
Дом творчества. Переделкино, 2013	34
Маньчжурский орех	35
Балерина	36
Старый дом	37
«Высоких сосен розовые струны...»	38
«Расставание было легко...»	39
«А я себя уговорю...»	40
Пруд в Переделкине	41
Фонарь	42
«Над балконом — львиный рык стихии...»	43
Дом творчества. Переделкино, 2014	44
«Птичий посвист строкой монотонной...»	45
«А всё же и мне это чудо досталось...»	46

ПАМЯТЬ

«К истоку, к бьющему из почвы роднику...»	48
«О, королевские манеры...»	49
Анна Ахматова. 1913	50
Воробьёво	51
Семейный альбом	52
«В какой-нибудь Канаде или в Риме...»	53
Рига	54
«Всё было, как снилось, как должно...»	55
Дежа вю	56
«Архаика родного языка...»	57

«Сколько миновало лиц и звуков...»	58
Памяти Жени Олениной	59
«Мой друг из дальних лет и зим...»	60
«Сегодня обо всех, прошедших мимо...»	61
Девятнадцатому веку.....	62
«Вам, родившимся на Арбате...»	63
Фагот	64
«Ты знаешь, я долго иду...»	65
«Только бы видеть, как нежные листья...»	66
«Увядших уст скользящий поцелуй...»	67
Сад.....	68

СЕРДЦЕМ ЕДИНЫМ

«Что не названо словом...»	70
«Взошла случайная звезда...»	71
«Это зыбко, это спорно...»	72
«В таинственных глубинах пианинных...»	73
«Как тихо, милый мой, как грустно...».....	74
«Живу на краешке души...»	75
«Не страшно?..»	76
«Помилуй Бог меня от этой хвори...»	77
«Я плавать не умею, а плыву...»	78
«Ты сказал мне: — Как было бы славно...»	79
«О, как смешна тебе томительная грусть...»	80
«Мне бы лопухую собаку...»	81
Сверчок	82
«Мне бы — выжить...»	83
«Щемящее чувство утраты...»	84
«Не счастье, но возможность счастья...»	85
«Маковой росинкою тепла...»	86
«Чужого мира притяжение...»	87

«Обещания — смутный намёк...»	88
«Какой был сон! — огонь, очаг и храм...»	90
«Не в лад, невпопад, неурочно...»	91
«Возможно, что нужны нам антиподы...»	92
«Море, шумящее так давно...»	93
Молчание	94
«От семи печалей травы...»	95
«Беспредельно чужой...»	96
«Сколько лет поёт, седея, Сольвейг...»	97
Старая фотография	98
«А мне немногого довольно...»	99
«Пока ещё разлука — не разрыв...»	100
«Над нами небеса разверзлись...»	101
«В буднях я не узнаю тебя...»	102
«Мне смотреть на тебя и отрадно, и вредно...»	103
«Говоришь умно и многословно...»	104
«Как ты смеёшься, молодой и сильный...»	105
«Так жаль несбывшейся любви!..»	106
«В этом краю из листвы и тумана...»	107
«Ты завтра скажешь мне: — Не плачь...»	108
Болезнь	109
Расставание.....	110
«Пять минут утончённой лесты...»	111
Песенка о надеждах.....	112
«Деревья, собранные в купы...»	113
«Одним движеньем — оторвать...»	114
«Жалеть о прошлом — что за бред!..»	115
«Опять, моё сердце, опять и опять...»	116
«Будь жив и здоров! — я говорю...»	117
«Окно из серебряной скани...»	118
«Моя печальная награда...»	119
Повилика.....	120

Обыкновенные дела.....	121
«Каким подарком стал бы этот быт...»	122
Закат	123
Сиреневый куст.....	124
«Прозрачной, пасмурной, жемчужною...».....	125
Старые письма	126
«Любовь ушла. Но шлейф её пурпурный...»	127
«Пора перестать суетиться...»	128
«Моя бессонная печаль...»	129
Пчела	130
«Деревья клонятся нагие...»	131
«А всё-таки тогда она была!...».....	132
«Не пишем писем...»	133
Счастье.....	134
«Нет, обещая рай земной...»	135
«Мне кажется, что ты меня любил...»	136

ВРЕМЕНА ГОДА

Деревья	138
«Тот, кто неведом, всемогущ и благ...»	140
«Помилуй Бог, как зябко и тревожно...»	141
«Эта светлая капель... «	142
Первое апреля.....	143
Снег в апреле	144
«От тёплого дождя взахлёб смеются лужи...» ...	145
Птицы.....	146
Лето	147
В Крыму	148
Крым	150
У моря	152
«Цикад оркестр неутомимый...»	153

«Всё тише, серебристей, некрасивей...»	154
«Угасает чувственный июль...».....	155
Жаркий август.....	156
Дождь в августе	157
Баллада о розе.....	158
«Когда минует лето по законам...»	160
«У осени палитра наготове...»	162
«Как позднее признание...»	163
«По кленовому золоту листьев...»	164
«Златая пятипалая листва...»	165
«Осень — золото на синем...».....	166
Осень.....	167
Осина	168
Октябрь.....	169
«От осенней листвы горяча...»	170
«По листьям, осенью усохшим...»	171
«Должно быть, осень — та межа...»	172
Камин	173
Октябрю.....	174
Поздняя осень	175
Ноябрь	176
«Уже зима хрустит ледком...»	177
Зимнее.....	178
«Едва морозец застеклил асфальт...»	180
Год Змеи	181
Снегопад.....	182
Снег упал.....	183
Нескучный сад.....	184
Зима	185
«Огромн сумрак и текуч...»	186
Первое декабря	187
Украшение ёлки	188

Святки	189
«Зимний вечер чуть слышно в окно постучал...»	190
«Мне было б жаль оставить этот снег...»	191

БЕССОННИЦА

Лермонтову	193
У Анатолия Зверева	194
У времени маниакальный бег.....	195
«Встречаясь в зеркале с собой...»	196
«Смеялась женщина...»	197
«Бессонница подругой загадычной...»	198
Ночь	199
«Жить, как вчера, уже нельзя...».....	200
Песочные часы	201
Дом Жилярди	202
Покинутый дом.....	203
«Это время потерь...»	204
В больнице	205
«Кричит электричка в ночной неуют...».....	206
«Неспешный рассвет проступил в темноте...» ..	207
«И будет всё — пылающий камин...»	208
Ю—ю.....	209
«Живу под знаком Водолея...»	210

СЛОВО

Семёну Сорину.....	212
«Прибежище и труд стихотворенья...»	213
«Да, верно, всё повтор, всё перепев...».....	214
«Входит осень в стихи...»	215

«Я стихов не пишу...».....	216
«Песчинка-слово, спугнутое ветром...»	217
«Короткая песенка с кротким мотивом...»	218
«Перед рассветом ярче сны...»	219
«Как я пишу? Да так, как я пишу...»	220
Рассвет	221
«Пока слагаются слова...».....	222
«Все те, с кем было больно и крылато...»	223
Шкатулка	224
«Во сне ли, наяву — в словесной мгле...».....	225
Угомон.....	226
Белле Ахмадулиной	227
Белла	228
Прощание	229
Юнне Мориц.....	230
«Боже правый, кому это нужно...»	231
Часы	232
Муза	234
«Ищу я музыку другую...».....	235
«Всего лишь — чуткий к Слову слух...»	236
«Мои молодые стихи...».....	237
«Хочу быть деревом узорным...»	238

МОЛИТВА

«Хранитель мой, небесный поводырь...»	240
«Прости меня, Боже, спаси и прости!...».....	241
«И я опять надолго замолчу...»	242
«Продли, Господь, мне свет земного дня...»	243

Литературно-художественное издание

Людмила Николаевна Саницкая

«ЧАС ВОДОЛЕЯ»

Избранная лирика

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Сдано в набор 05.05.2015
Подписано в печать 04.06.2015

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.